

**БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ·ОРГАНИЗАЦИЯ
ВООРУЖЕНИЕ·УНИФОРМА**

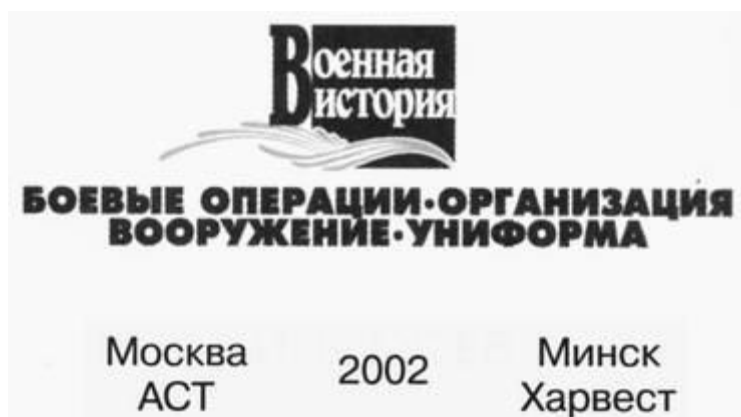
НАВАРИНСКОЕ МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ

НАВАРИНСКОЕ МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ

И. Е. Гусев

Художник Д.Н. Матарькин

Оглавление

ПРОЛОГ. ТРОЕ В ОДНОЙ ЛОДКЕ	
МЕЖДУ ПАРУСОМ И ПАРОМ	
В ДОРОГУ ДАЛЬНОЮ БЛАГОСЛОВЯ	
«В КРОВАВОЙ БИТВЕ ТОЙ СРАЖАЛСЯ ТАК, КАК ЛЕВ»	
«ДАЛЬШЕ — ТИШИНА»	
ГЕРОИ И НАГРАДЫ	
НАЦИИ И РЕАКЦИИ	
ЭПИЛОГ. ЕЛЕУΞΕΡΙΑ!	
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Корабельные флаги и вымпелы русского флота	
Линейный корабль «Азов»	
Корабельные орудия	
Навигационные приборы парусного флота	
Морской костюм первой трети XIX века	
Боевые награды русских моряков	
Наградное орденское оружие	
Пелопоннес и Наварин	
Корабельные флаги и вымпелы английского флота	

ПРОЛОГ. ТРОЕ В ОДНОЙ ЛОДКЕ

Морское сражение, о котором рассказывается в этой книге, стало одним из ярких событий в сложных многовековых отношениях России и Турции. Предметами споров и причинами войн между ними были Азовское и Черное моря с прилегающими землями, Балканы и Греция. Османская империя, наложившая свою могучую «лапу» на обширнейшие земли и воды этих регионов, подавляла жившие там народы, насаждая чуждые им мусульманские ценности, препятствовала естественному их развитию, беспощадно пресекая любые попытки сбросить турецкое иго. Антитурецких восстаний происходило очень много. Так, только греки восставали в 60—70-е годы XV века в Пелопоннесе; там же, а также в Македонии, на островах Эгейского моря в 1571 году; в 1770 году в период первой Архипелагской экспедиции русского флота, закончившейся в 1774 году заключением Кючук-Кайнарджийского мира. Согласно его условиям, греки, в частности, получили возможность плавать под русским флагом. В результате Средиземноморского похода русской эскадры под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова в 1798—1800 годах были освобождены от французов Ионические острова и на них возникло автономное греческое государство — Республика Семи Соединенных островов.

25 марта [1][Все даты в книге приводятся по старому стилю.] 1821 года находившееся в Одессе тайное революционное общество «Филики Этерия» во главе с греком, русским генералом А. Ипсиланти призвало к национально-освободительному восстанию. Этот призыв был подхвачен в Греции. Сначала восстание охватило весь Пелопоннес, а затем распространилось на острова Спеце, Идра, Псара и другие. Так началась Греческая национально-освободительная революция 1821—1829 годов. В январе 1822 года Национальная ассамблея Греции приняла так называемый Эпидаврский органический статус — первую греческую конституцию. В ней Греция провозглашалась независимым государством. Первым кивернитисом (президентом) был избран Маврокордатос.

Подавлять восстание туркам помогали египетские войска под командованием Ибрагим-паши, на помощь восставшим пришли добровольцы из многих европейских стран. Самым знаменитым из них был, вероятно, английский поэт Байрон, умерший в Греции от лихорадки. В апреле 1827 года Национальная ассамблея избрала новым президентом Греции Иоанниса Каподистрию, статс-секретаря российского министерства иностранных дел. В июле того же года он вышел в отставку с русской дипломатической службы, отказался от пенсии, предложенной ему Николаем I, и уехал в Грецию.

И.К. Айвазовский. Вид Константинополя

У России в районе Ближнего Востока имелись важные проблемы: поддержка национально-освободительного движения балканских народов; получение максимально выгодного режима использования черноморских проливов; расширение черноморской торговли и усиление своего влияния в Константинополе. В письме управляющего

министерством иностранных дел России К.В. Нессельроде русскому посланнику в Константинополе А.И. Рибопьеру от 11 января 1827 года первый подчеркивал, что «для России имеют большое значение черноморская торговля и необходимость защиты единоверцев... петербургский кабинет не стремится к каким-либо территориальным

Генерал-адъютант

М.С. Воронцов

приобретениям и желает лишь точного исполнения Оттоманской Портой [2][Оттоманская Порта (а также Блистательная Порта, Высокая Порта) — название правительства Османской империи, употреблявшееся в европейских дипломатических документах и в самой Османской империи.] постановлений Аккерманской конвенции, а также обеспечения счастливого и спокойного существования Греции».

Упомянутая в этом документе Аккерманская конвенция — это согласованный и подписанный Россией и Турцией в октябре 1826 года документ, четко определивший и подтвердивший принципы урегулирования спорных вопросов между этими державами, сформулированные четырнадцатью годами раньше в Бухарестском

мирном договоре. Заключение Аккерманской конвенции стало необходимым из-за постоянных нарушений Турцией условий Бухарестского договора, в частности касающихся Молдавии, Валахии и Сербии, а также свободной торговли через проливы Черного моря. Последнее вело к сокращению вывоза хлеба из России через это море и наносило ей большой экономический ущерб.

Жесткая и одновременно гибкая позиция российской делегации в Аккермане, которую возглавляли генерал-губернатор Новороссии и наместник в Бессарабии М.С. Воронцов и посланник России в Константинополе А.И. Рибопьер, позволила заключить конвенцию фактически в том виде, в каком ее предлагала Россия. Впрочем, она устраивала, вероятно, и турок, поскольку встречена была в Константинополе «с радостью». Может быть, потому, что они не спешили с ее выполнением.

Интересы России в Турции и Средиземноморье сталкивались с растущим влиянием в этом регионе англичан. Англия становилась главным соперником России на Ближнем Востоке и стремилась к доминированию своего влияния на турецкое руководство. Большая роль России на Балканах, ее дипломатическая и военная помощь Греции были не по вкусу Англии, а также Франции. Они боялись, что греческий вопрос будет решен силами Российской империи и ее позиции еще более усилятся. Еще Александр I в 1824 году на Петербургской конференции по греческому вопросу предлагал сделать Грецию вассальным по отношению к Турции государством. Понятно, что это не было решением проблемы.

Гораздо большую последовательность и решительность проявил здесь Николай I. На встрече со знаменитым английским герцогом Веллингтоном, победителем Наполеона в битве при Ватерлоо, прибывшим весной 1826 году в Петербург для поздравления нового русского императора с избранием на престол, Николай I заявил свою позицию: «Вы знаете, герцог, что я решился идти по стопам моего любезного брата. А император Александр перед смертью принял твердое решение: с оружием в руках заставить Порту уважать права России, признанные трактатами. Пока Россия еще не ведет войны с Портою, но дружественные отношения между нами прекратились».

В соответствии с такими взглядами русский царь весьма холодно встретил предложение Веллингтона об участии Англии в решении греческого вопроса. Тем не менее 23 марта того же года Нессельроде, Веллингтон и русский посол в Лондоне князь Х.А. Ливен подписали протокол, означавший совместное вмешательство России и Англии в дела Греции. В этом документе Россия и Англия сообщали Турции, что «долг человечества повелевает им принять немедленные меры к прекращению истребительной, страшной и бесполезной войны» и приглашали Францию и другие страны присоединиться к ним.

В Петербургском протоколе 1826 года объявлялось право Греции на независимость. Правда, при этом она обязана была выплачивать Турции дань и находиться под ее верховной властью. Турецкие земли в Море (Пелопоннесе) отходили к Греции, но за выкуп. Турция принимала участие в назначении греческих правительственных чинов, но из греков; грекам предоставлялась полная свобода вероисповедания и торговли. Это соглашение позже подписала Франция, имевшая в Греции торговые интересы, а Австрия и Пруссия не одобрили его, считая, что оно усиливает позиции русских на Балканах. Правда, и в Лондоне его подписание было встречено «в штыки», а Веллингтон получил изрядную порцию критики. В то же время Петербургский протокол стал первым внешнеполитическим успехом нового царя.

В развитие и для реализации положений этого протокола Англия, Франция и Россия 24 июня 1827 года заключили в Лондоне договор. Нессельроде писал Николаю I: «Чтобы оценить по достоинству не столько форму, сколько суть этого договора, следует вспомнить, в каких сложных обстоятельствах, с какими трудностями всякого рода он был выработан и подписан; следует также сопоставить плачевное состояние, в котором тогда находилась Греция после шести лет борьбы, и то будущее, которое обещал ей Лондонский договор».

Договор провозглашал образование автономного греческого государства: «Греки будут в зависимости от султана, как сюзеренного государя, и вследствие сей сюзеренности будут уплачивать Оттоманской империи ежегодную подать... Они будут управляться властями, ими самими избранными и назначенными, но

в назначении их Порты будет иметь известное участие» (Статья II). Вместе с тем стороны обязались предложить Порте «свое посредничество с целью примирения ее с греками» (Статья I).

К договору прилагалась «Статья дополнительная секретная», предусматривавшая, в случае непринятия Турцией в течение месяца предлагаемого посредничества, санкции, одна из которых имела угрожающий предупредительный характер: «Высокие договаривающиеся державы тотчас по подписании настоящей дополнительной и секретной статьи пошлют, каждая от себя... инструкции адмиралам, начальствующим над их эскадрами в морях Леванта [3][Левант — общее название группы стран Восточного Средиземноморья (Египет, Турция, Греция, Сирия и др.).]».

Подготовка русской эскадры к походу в Средиземное море началась еще до подписания Лондонского договора. 22 мая 1827 года эскадра в составе 9 линейных кораблей, 7 фрегатов и одного корвета под командованием адмирала Д.Н. Сенявина встала на кронштадтском рейде. Адмирал держал свой флаг на корабле «Азов»; флагманами были вице-адмирал Лутохин на корабле «Св. Владимир» и контр-адмирал граф Л.П. Гейден на корабле «Св. Андрей».

30 мая на основании царского постановления министерство иностранных дел направило адмиралу Сенявину инструкцию следующего содержания: «Надлежит выделить из вверенной Сенявину эскадры 4 линейных корабля, 4 фрегата и 2 брига, которые должны составить отдельную бригаду под командой Л.П. Гейдена. Этой эскадре предписывается идти в Средиземное море. Назначение сей эскадры будет ныне иметь целью, во-первых, защиту и покровительство торговли и плавания российских судов в морях, окружающих берега Морей и Малой Азии и острова Архипелагские, во-вторых, соблюдение строгого нейтралитета в войне, продолжающейся между греками и турками».

Император Александр I. Литография К. Кольмана

Петербург. Дворцовая набережная. Летний сад. Литография

И.К. Айвазовский. Русский и французский фрегаты

МЕЖДУ ПАРУСОМ И ПАРОМ

В описываемый исторический период Россия была сильной морской державой. Ее парусный флот действовал на обширных водных пространствах, решая важные политические задачи военными средствами. В стране было несколько центров судостроения — Петербург, Херсон, Николаев, Астрахань. До 40-х годов строились исключительно парусные суда, затем появились паровые. В 1815 году на заводе Берда в Петербурге был построен первый русский пассажирский пароход «Елизавета». Через пять лет между Петербургом и Кронштадтом курсировали четыре парохода. Вслед за «мирным» пароходом вскоре появился и военный: в 1817 году на Охтенской верфи спустили на воду пароход «Скорый» с двигателем мощностью 32 л.с. Два года спустя вошел в строй пароход «Проворный» с 80-сильным двигателем, а в 1822 году — пароход «Ижора» с двигателем в 100 л.с., имевший на вооружении 8 пушек. Наряду с несомненными достоинствами, новые боевые корабли имели и недостатки, главные из которых — уязвимость колес (они выступали над ватерлинией) и слабая остойчивость в море.

К концу первой четверти XIX века русский военный флот имел следующую структуру [4][Л.Г. Бескровный. Русская армия и флот в XIX веке. М, 1978.] (см. табл. 1).

С учетом стоявших перед страной исторических задач военно-морской флот находился в неудовлетворительном состоянии. Для исправления положения распоряжением Николая I был сформирован Комитет образования флота. В него вошли вице-адмирал А.В. Моллер (глава Комитета), Д.Н. Сенявин, П.В. Пустошкин, А.С. Грейг, контр-адмирал Рожков и капитаны И.Ф. Крузенштерн, Ф.Ф. Белинсгаузен и М.И. Ратманов. С докладом выступил выдающийся флотоводец Сенявин. Он дал исторический обзор развития русского военного флота, указал причины его упадка и предложил программу выхода из кризиса. В ее основу легло положение, сформулированное Николаем I в рескрипте от 31 декабря 1825 года: «Россия должна быть третья по

Таблица 1

Состав флотов	Состояло по списку	Находилось в строю
<i>Балтийский флот</i>		
Линейные корабли	15	5
Фрегаты	12	10
Пароходы	3	3
Мелкие военные суда	31	20
Канонерские лодки	50	50
<i>Черноморский флот</i>		
Линейные корабли	15	10
Фрегаты	6	6
Мелкие военные суда	18	12
Пароходы	2	2
<i>Каспийская флотилия</i>		
Мелкие военные суда	5	5
Транспорты	6	6
<i>Беломорская флотилия</i>		
Транспорты	7	7
<i>Охотская флотилия</i>		
Транспорты	11	11

силе морская держава после Англии и Франции и должна быть сильнее союза второстепенных морских держав».

Предложенная Комитетом программа стала основой штатов 1826 г. — последних штатов русского парусного флота. На всех флотах предполагалось иметь 446 судов [5][Л.Г. Бескровный. Русская армия и флот в XIX веке. М, 1978.] (см. табл. 2).

Таблица 2

Суда	Балтийский флот	Черноморский флот	Беломорская флотилия	Каспийская флотилия	Сибирская флотилия
Линейные корабли	26	14	—	—	—
Фрегаты парусные	9	6	—	—	—
Фрегаты учебные	5	—	—	—	—
Пароходы-регаты	9	7	—	—	—
Пароходы малые	12	24	—	—	—
Корветы парусные	2	4	2	8	—
Бриги и шхуны	12	25	—	—	1
Суда других классов	65	73	8	22	7
Гребные суда	77	28	—	—	—
Всего	217	181	10	30	8

По мнению главы Комитета адмирала Моллера, «это число судов будет, с одной стороны, без отягощения государству в рассуждении содержания», а с другой—«весьма достаточно не только к обороне... но и для нападательных военных действий в случае надобности в ОНЫХ».

Как видно из таблицы 2, штатами 1826 года предусматривались и парусные, и паровые суда. Последние в этот период использовались в основном для несения дозорной службы и как буксиры. Основными классами боевых судов оставались линейные корабли и фрегаты. Они предназначались для нанесения артиллерийских ударов по кораблям и морским крепостям противника и для высадки десанта. Подсобные функции выполняли корветы, клипера и пароходы.

Строительство новых судов по принятой программе продолжалось с 1827 по 1844 год. За это время в состав Балтийского флота вошли 29 линейных кораблей, 25 фрегатов, 18 бригов, 14 транспортов; Черноморский флот пополнился 12 линейными кораблями, 8 фрегатами, 20 бригами и 28 транспортами.

В ДОРОГУ ДАЛЬНЮЮ БЛАГОСЛОВЯ

2 июня 1827 года Николай I провел смотр эскадры, отправляемой в дальний средиземноморский поход. На Большом кронштадтском

рейде в линию выстроились линейные корабли «Гангут», «Князь Владимир», «Иезекииль», «Азов», «Александр Невский», «Андрей», фрегаты «Эммануил», «Крейсер», «Диана», «Вестовой», «Кастор» и корвет «Гремящий». В 2 часа дня император с многочисленной свитой поднялся на «Азов». С ним прибыли английский и французский посланники. Затем Николай I посетил корабли «Гангут», «Иезекииль», «Александр Невский» и несколько фрегатов. Он объехал эскадру и выразил полное удовлетворение ее состоянием. Отъезжая, царь объявил монаршее благословение всем офицерам, а рядовым пожаловал по рублю. При посещении «Азова», командиром которого был М.П. Лазарев, осматривая арсенал, государь обратил внимание на построенные из ружейных замков названия памятных для русского флота мест: «Гангут», «Ревель» и «Чесма». За последним словом стояла таким же образом выложенная буква «И». Николай I спросил капитана Лазарева, что это означает. Тот ответил, что она означает продолжение ряда приведенных названий. «А что же будет дальше?» — спросил император. «Имя первой победы флота», — ответил капитан. Четырьмя месяцами позже к упомянутым названиям было добавлено слово «Наварин».

После отъезда Николая I эскадра начала усиленно готовиться к походу. Каждое судно получило комплекты новых канатов и парусов и прочих необходимых для дальнего перехода принадлежностей. Но цель и задачи похода никому, кроме командующего эскадрой Сенявина, не были известны. Правда, о борьбе греков за независимость знали все и поэтому хотели плыть на помощь Элладе. А быть может, придется плыть в Америку помогать теряющим там свои позиции испанцам? 10 июня без всякого объяснения цели похода эскадре было велено сняться с якорей и направиться к берегам Англии.

В пути контр-адмирал Л.П. Гейден получил рескрипт Николая I. В нем царь указывал на особое значение дополнительной статьи договора, в которой предусматривалось в случае отказа Турции от посредничества трех держав «силою воспрепятствовать» любым ее попыткам доставлять подкрепление своим войскам, действовавшим в Морее. Упорное сопротивление турецкого правительства, по мнению царя, сделает неизбежным крейсирование трех союзных эскадр и даже

Адмирал Д.Н. Сенявин

Император Николай I. Литография Г. Митрейтера

И.К. Айвазовский. Кронштадтский рейд. Фрагмент

блокаду Дарданелл. В качестве дополнительной меры предусматривалась аналогичная блокада на Черном море со стороны Босфора, которую брала на себя Россия.

Негативная реакция на предложение союзников о посредничестве в греко-турецких отношениях последовала до заключения Лондонского договора. Еще 28 мая дипломатическим представителям России, Австрии, Англии, Франции и Пруссии была направлена длинная декларация без даты и подписи с изложением позиции Порты относительно этих предложений. В ней турецкая сторона высказывала решительную уверенность, что и в дальнейшем она будет отклонять все предложения подобного рода.

Между тем истребление греков турками шло полным ходом. В письме К.В. Нессельроде русскому послу в Лондоне Х.А. Ливену от 26 июля отмечается, что «один из самых отважных греческих военачальников погиб в бою, Афины пали, Ибрагим-паша вторгся в глубь Пелопоннеса, предавая все огню и мечу; греки, лишенные съестных и боевых припасов и денег, оказались накануне полного истребления». В силу сложившейся ситуации, как подчеркивается в этом письме, русское правительство считает, «1) что ввиду заявления дивана [6][Диван — в султанской Турции государственный совет, состоявший из придворных советников и министров.] ст. I Лондонского договора безусловно выполнена и *casus foederis*, указанный в § 1 секретной статьи того же договора, безусловно имеет место; 2) что поэтому договаривающиеся стороны обязаны немедленно приступить к выполнению §§ 1 и 2 упомянутой секретной статьи, т.е., иными словами, «установить связи с греками», а также привести в действие свои эскадры. [...] Исходя из вышеизложенных принципов, император отдает своей эскадре приказ срочно направиться в воды Архипелага... Командующие морскими силами трех держав должны согласовывать свои действия... Когда три союзные эскадры соединятся для какой-либо совместной боевой операции, верховное командование будет по праву принадлежать офицеру, старшему по званию, или тому, кто дольше носит это звание, независимо от его подданства».

28 июля русская эскадра прибыла в Портсмут — город-порт в английском графстве Хэмпшир, на побережье Ла-Манша. 30 июля в 6 часов утра адмирал Сенявин собрал капитанов кораблей «Гангут», «Иезекииль», «Александр Невский» — Авилова, Свинкина, Богдановича — и фрегатов «Константин», «Елена», «Проворный» и «Кастор». На длившемся около трех часов совещании Сенявин объявил

приказ о выделении в отдельную эскадру группы кораблей под командой контр-адмирала Логина Петровича Гейдена. Ее курс — Средиземное море, где ей надлежало соединиться с эскадрами союзных стран для совместных действий по реализации положений Лондонского договора. На следующий день Гейден приказом назначил командира корабля «Азов» М.П. Лазарева начальником штаба своего отряда кораблей. 8 августа 1827 года эскадра под командованием Гейдена вышла из Портсмута и направилась в Средиземное море. В ее состав входили корабли «Азов», «Гангут», «Иезекииль», «Александр Невский», фрегаты «Константин», «Елена», «Проворный» и «Кастор». Сенявин с остальными судами отправился обратно в Балтийское море.

Тем временем союзники прилагали последние отчаянные усилия заставить Турцию пойти на перемирие в войне с греками и согласиться на их посредничество. Представители трех держав в Константинополе направили 4 августа реис-эфенди [7][Реис-эфенди — турецкий чиновник, занимавший пост, соответствующий министру иностранных дел.] первую, а 19 августа вторую декларацию союзников с прежними предложениями с целью выработки в дальнейшем соглашения на основе Лондонского договора. Во время аудиенции им было заявлено следующее: «Блистательная Порта не может и никогда не сможет выслушивать что бы то ни было в пользу греков. Это заявление ясное, абсолютное и окончательное».

Вывод, сделанный русским руководством, резюмировал Нессельроде в депеше, направленной 14 сентября русскому послу в Англии Ливену: «Император считает исчерпанными благоприятные возможности, которые могли открыть представления, сделанные Порте... Опыт показывал, что лишь боязнь войны с Россией способна воздействовать на политику Порты и лишь она сдерживает тот слепой фанатизм, каким столь печально отличается политика султана».

16 сентября 1827 года командующий русской эскадрой Гейден получил инструкцию Нессельроде, в которой уточнялись детали предстоящей операции в Средиземном море: «Чтобы предстоящее

крейсирование объединенных союзных эскадр принесло пользу, оно должно отвечать следующим требованиям:

1. Помешать действительно каждому африканскому или турецкому кораблю, перевозящему в Грецию денежные средства, войска, оружие или провиант, выполнить эту задачу.

2. Поставить армию Ибрагим-паши в критическое положение. Для этого следует, чтобы крейсирование производилось вокруг Морей, можно сказать, со всех сторон, распространяясь на воды залива Лепанто. Там, видимо, его смогут осуществлять суда греческого флота».

Из-за штилей и встречных ветров до 7 сентября эскадра Гейдена двигалась очень медленно. На рассвете 9 сентября русские моряки увидели берег Сицилии. До 24 сентября из-за непогоды наши корабли дрейфовали близ острова, и лишь затем моряки смогли сойти на берег и пройти по городу Палермо. Фрегат «Константин» был отправлен на Мальту для встречи с английской эскадрой. Местом свидания англичане назначили остров Занте.

На восходе солнца 1 октября шедшая двумя колоннами русская эскадра встретила возле острова Занте с английской эскадрой под командованием вице-адмирала сэра Эдуарда Кодрингтона. Это был отличный морской командир, много лет служивший под руководством легендарного адмирала Горацио Нельсона. В знаменитом Трафальгарском сражении 1806 года, в котором англичане под командованием Нельсона разбили французский наполеоновский флот, Кодрингтон был капитаном 64-пушечного корабля «Орион».

Английский флотоводец держал свой флаг на 88-пушечном корабле «Азия». На его борт был приглашен Гейден, а немного позже и французский контр-адмирал Андре Даниэль де Риньи, подошедший на фрегате «Сирена». На этом совещании командующих союзными эскадрами по общему согласию команду над объединенной эскадрой принял на себя Кодрингтон, а Гейден и де Риньи стали его подчиненными. Основные силы англичан и французов стояли у Наварина, где находился большой турецко-египетский флот.

Королевская военно-морская академия в Портсмуте

Командующий русской эскадрой контр-адмирал Л.П. Гейден

Адмирал Г. Нельсон

Главнокомандующий объединенными оттоманскими морскими и сухопутными силами египтянин Ибрагим-паша имел в своем распоряжении 5 тысяч турецких и 20 тысяч египетских солдат и офицеров. Именно они в это время опустошали Морею и истребляли греков. К Наварину направилась и русская эскадра.

Утром 2 октября показались стены Наваринской крепости. Русские корабли легли в дрейф у входа в Наваринскую бухту. «Азов» находился вблизи корабля «Азия». Гейден издал приказ, в котором

сообщал о соединении с английским и французским флотами и предписывал постоянно быть готовыми к боевым действиям.

5 октября силы объединенной группировки начали сосредотачиваться у входа в Наваринскую бухту. Английская эскадра первоначально состояла из одного 88-пушечного корабля, 3 фрегатов и 5 мелких судов. Французский отряд составляли 3 линейных корабля, 2 фрегата и 2 шхуны. Русская эскадра стояла у Модона. В 10 часов утра флагманские корабли подошли друг к другу. Все три адмирала собрались на «Азии» и долго совещались. Результатом их совещания явилось совместное письмо командующему османскими вооруженными силами в Морее Ибрагим-паше. Чтобы лучше понять его содержание, отметим, что еще 25 сентября, то есть до соединения трех эскадр, Кодрингтон и де Риньи в присутствии офицеров турецко-египетского флота, располагавшегося в Наваринской бухте, обратились к Ибрагим-паше с официальным заявлением об установлении фактического перемирия и предупредили, что в случае его нарушения османский флот будет немедленно уничтожен. В ответ Ибрагим-паша заявил, что не уполномочен выслушивать подобные заявления и самостоятельно принимать решения, но, поскольку приказы Порты не предусматривают такой крайний случай, он пошлет курьеров в Константинополь и Александрию и обязуется до их возвращения не выводить флот из Наваринской бухты. Однако это обязательство нарушалось Ибрагим-пашой — его корабли не раз пытались выйти из бухты.

Ниже приведено письмо командующих британской, российской и французской эскадрами Кодрингтона, Гейдена и де Риньи командующему османскими вооруженными силами в Морее Ибрагим-паше:

На борту корабля «Азия», на Наваринском рейде,

5 (17) октября 1827 года

Ваша Светлость. По вполне достоверным сведениям, получаемым нами отовсюду, многочисленные отряды Вашей армии продвигаются в разных направлениях по западной части Морей, где они производят

опустошения и разрушения, совершают поджоги, уничтожают деревья, виноградники и все произведения земли, превращая этот край в настоящую пустыню.

Кроме того, нам стало известно, что против округов Майны подготовлена экспедиция и что уже началось передвижение войск в этом направлении.

Все эти акты беспощадной жестокости происходят, можно сказать, на наших глазах и в нарушение перемирия, которое Вы, Ваша Светлость, дали слово чести строго соблюдать до возвращения Ваших курьеров, перемирия, в силу которого 26 сентября с. г. Вашему флоту было разрешение вернуться в Наварин.

Поэтому нижеподписавшиеся вынуждены исполнить тягостный долг и заявить Вам сегодня, что подобное поведение с Вашей стороны и столь непонятное нарушение взятых Вами обязательств ставят Вас, милостивый государь, вне законов международного права и вне действия договоров, существующих между их дворами и Оттоманской Портой. Более того, нижеподписавшиеся считают, что опустошения, производимые в данный момент по Вашим приказаниям, явно противоречат интересам Вашего монарха, который в результате такого рода действий может лишиться реальных преимуществ в отношении Греции, гарантируемых ему Лондонским договором. Нижеподписавшиеся требуют от Вашей Светлости быстрого и вполне определенного ответа на настоящее заявление и предоставляют Вам самому предсказать неминуемые последствия отказа или проволочек.

Эдв. Кодрингтон, вице-адмирал и главнокомандующий кораблями и судами его британского в-ва в Средиземном море

Граф Гейден, российский контр-адмирал, главнокомандующий эскадрой е. и. в-ва

А. де Риньи, контр-адмирал, командующий эскадрой его христианнейшего в-ва

На борту корабля его британского в-ва «Asia» 17 октября 1827 г. Отправлено через г-на полковника Крэдока.

Английский фрегат, посланный в Наваринскую бухту с этим документом для вручения Ибрагим-паше, вернулся поздно вечером ни с чем. Его офицеры заявили, что их главнокомандующий отсутствует, его местонахождение им не известно, но даже если бы Ибрагим-паша и находился в Наварине, все равно никто не осмелился бы передать ему письмо трех адмиралов.

После этого стало ясно, что язык дипломатии непонятен туркам. Для принуждения их к выполнению Лондонского договора нужен был язык силы. На состоявшемся 7 октября совещании адмиралы решили, как писал в своем донесении Гейден, «войти со всеми нашими кораблями в самую гавань Наваринскую, стать на якорь подле турецкого флота и присутствием и положением наших эскадр принудить Ибрагима сосредоточить свои силы на сем пункте и отказаться от всякого нового предприятия против берегов Морей и островов Греции. Военные распоряжения, план выступления и главное начальство в случае действия представлены были г. вице-адмиралу Кодрингтону как старшему в чине».

В тот же день английский адмирал подписал приказ, в котором четко определил стоящие перед флотом задачи и способы их решения:

«Азия» у Наварина, 7 октября 1827 г.

Правила, которыми должен руководствоваться соединенный флот при входе в Наварин

Известно, что египетские корабли, на которых служат французские офицеры, стоят в основном к юго-востоку, а потому желаю, чтобы контр-адмирал и кавалер де Риньи поставил свою эскадру против них: а так как следующий за ним корабль имеет флаг на грот-брам-стеннге[8][Грот-брам-стеннга — рея в верхней части второй от носа мачты.], то я намерен стать с моим кораблем «Азия» против него, за мной корабли «Генуя» и «Альбион» станут против линейных турецких кораблей. Что до российской эскадры, то я хотел бы, чтобы контр-адмирал граф Гейден поставил свои корабли последовательно вблизи английских кораблей. Российские же фрегаты займут турецкие суда вслед за своими кораблями. Английские фрегаты

займут те из турецких судов, которые будут находиться на западной стороне гавани противоположно английским кораблям. Французские фрегаты на той же стороне займут те турецкие суда, которые будут находиться против их кораблей.

Корветы, бриги и прочие мелкие суда находятся под начальством капитана фрегата «Дартмут»; для отвода брандеров на такое расстояние, чтобы они не могли вредить какому-либо из кораблей и судов соединенного флота.

Если время позволит до открытия неприятельских действий со стороны турецкого флота, то всем судам стать фертоинг со шпрингами[9][Фертоинг со шпрингами — способ стоянки на двух якорях, при котором корабль постоянно находится между якорями.], привязанными к рыму[10][Рым — кольцо якоря.] каждого якоря.

Ни одной пушки[11][В смысле «ни одного пушечного выстрела».] с соединенного флота не должно быть сделано без сигнала, разве только что турки откроют огонь, тогда те корабли и суда должны быть истреблены немедленно.

В случае сражения и могущего случиться какого-либо беспорядка советую привести себе на память слова Нельсона: «Чем ближе к неприятелю, тем лучше».

Тогда же французский контр-адмирал де Риньи обратился с письмом к соотечественникам, служившим на египетских кораблях:

Господа, положение, в котором, как вы видите, находятся оттоманские морские силы, блокируемые в Наваринском порту, измена своему слову его светлости Ибрагим-паши, который обязался временным прекращением неприязненных действий, — все это указывает вам, что впредь вы можете встретиться со своим родным флагом. Вы знаете, чем рискуете. Требуя, чтобы вы покинули турецкую службу в минуту, когда оттоманский флот поставил себя во враждебное положение, последствия которого он должен нести, я посылаю вам предостережение, которым не стоит пренебрегать, если вы остаетесь французами.

Имею честь и проч., де Риньи

Адмирал Э. Кодрингтон

«В КРОВАВОЙ БИТВЕ ТОЙ СРАЖАЛСЯ ТАК, КАК ЛЕВ»

Вход в Наваринскую бухту с юга защищался крепостью, примыкавшей к городу, а с северо-запада — батареями острова Сфактерия, лежащего у входа в Наварин. Турецко-египетский флот расположился в глубине бухты в своей излюбленной форме полумесяца, рога которого тянулись от Наваринской крепости до батарей острова Сфактерия. Суда выстроились в несколько линий: 3 линейных корабля и 23 фрегата составляли первую линию,

проходившую дальше от берега; 57 корветов и бригов, стоявшие ближе к берегу, образовывали вторую и третью линии; 50 транспортов стояли на якорях возле юго-восточного берега Морей; на обоих флангах стояли готовые брандеры. Оттоманский флот был вооружен примерно 2300 орудиями, 165 орудий стояли на стенах крепости и батареях Сфактерии.

Необходимо отметить, что в различных источниках приводятся противоречивые данные о числе кораблей тех или иных типов и количестве орудий — как союзных, так и османских. Здесь в основном используются сведения из книг замечательного русского морского писателя В.Д. Доценко.

Объединенная союзная эскадра состояла из 10 линейных кораблей, 9 фрегатов и 7 мелких судов с общим числом орудий 1300. Английскую эскадру составляли линейные корабли «Азия», «Генуя» и «Альбион», фрегаты «Глазго», «Комбриэн», «Дартмут» и несколько мелких судов; общее число орудий — 472. Французский отряд состоял из линейных кораблей «Сципион», «Тридент», «Бреслав», фрегатов «Сирена», «Армида» и двух мелких судов; артиллерийский арсенал составляли 362 пушки. На кораблях русской эскадры находилось 466 орудий.

Таким образом, турки имели большой перевес в количестве орудий — на 1000. Тем не менее в огневой мощи силы союзников превосходили противника. Действительно, у союзников было значительно больше линейных кораблей — 10 против 3, которые имели на вооружении 36-фунтовые орудия, в то время как фрегаты и корветы, в которых преимущество было у турок, имели пушки с максимальным калибром 24 фунта. Кроме того, хотя в целом позиция османской эскадры была выбрана удачно, у нее имелись два существенных недостатка: большая скученность кораблей и невозможность судов третьей линии стрелять из-за опасения поразить свои корабли.

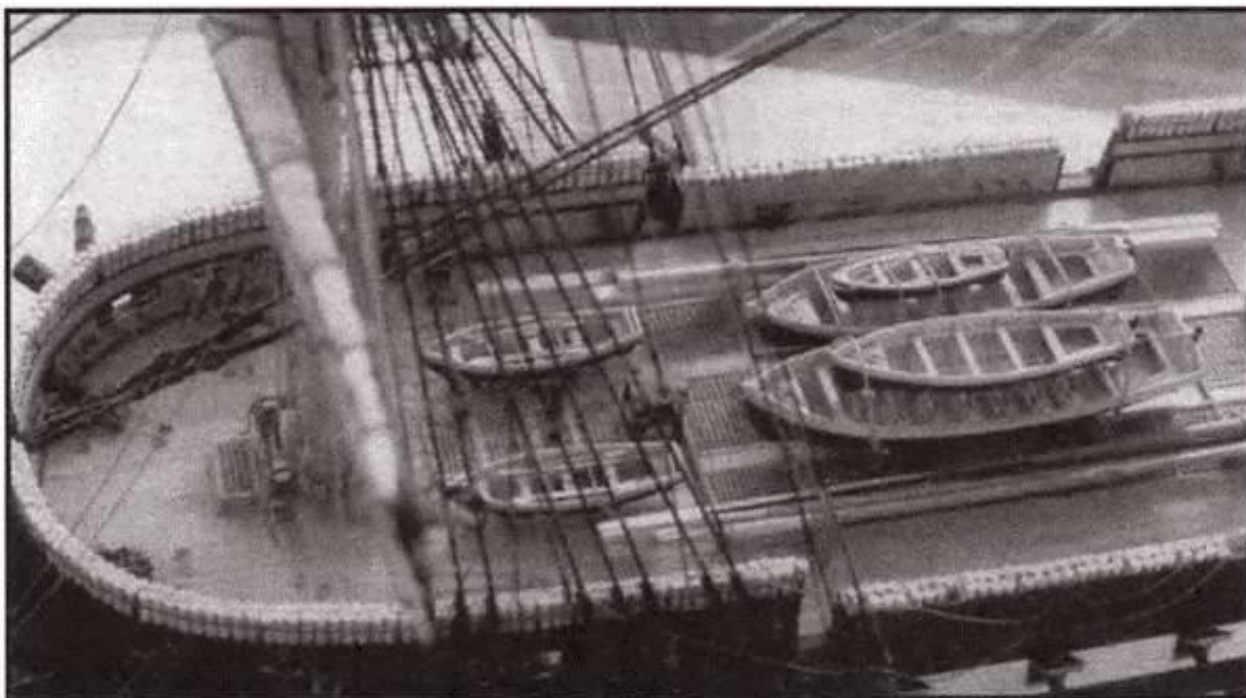
Настроение матросов и офицеров было приподнятое и боевое. Лейтенант «Гангута» Александр Рыкачев в своих записках отмечал: «Нельзя желать лучшего расположения духа, как у нас теперь между офицерами и рядовыми. Все будто оживилось какою-то необыкновенной силой. Там, где в обыкновенное время ворочали пушку 8 человек, теперь с легкостью управляют 4. Наши матросы

живы, веселы... Стали служить молебн, во время которого была необыкновенная тишина... Добрый наш отец Артамон окропил нас святой водой и давал нам целовать крест, уговаривая людей не бояться смерти за веру православную» (это происходило 7 октября).

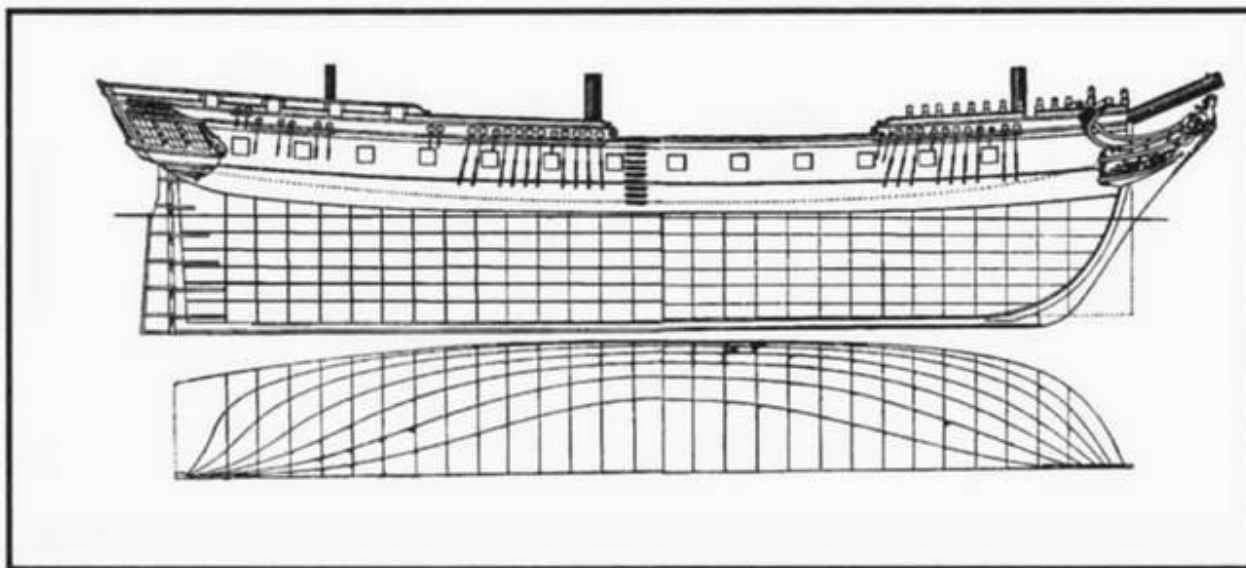
В 11 часов утра 8 октября подул легкий с зюйд-зюйд-веста ветер, и сигналом с корабля «Азия» союзной эскадре приказано было строиться в боевой порядок из двух колон: первую, или правую, составили английская эскадра и шедшие в кильватере французские корабли; левую (подветренную) — российская эскадра.

*Командующий французской эскадрой вице-адмирал
А.Д. де Риньи*

Палуба «Азова». Модель

Чертеж 36-пушечного фрегата «Кастор»

Первую колонну вел сам Кодрингтон в следующем порядке:

- 1) «Азия» — 88 пушек, 800 человек команды, капитан Вайнес; корабль шел под флагом вице-адмирала Кодрингтона;
- 2) «Генуя» — 74 пушки, 700 человек, капитан Еатурст;

Командующий французской эскадрой вице-адмирал А.Д. де Риньи

3) «Альбион» — 74 пушки, 700 человек, капитан Омманей;

4) «Сирена» (под флагом контр-адмирала де Риньи) — 60 пушек, 600 человек, капитан Ровер;

5) «Сципион» — 74 пушки, 700 человек, капитан Милиус;

6) «Тридент» — 74 пушки, 700 человек, капитан Морис;

7) «Бреславль» — 74 пушки, 700 человек, капитан Ла Бретонвер.

Левая (русская) колонна:

8) «Азов» (под флагом контр-адмирала Гейдена) — 74 пушки, капитан 1-го ранга М.П. Лазарев;

9) «Гангут» — 84 пушки, 650 человек, капитан 2-го ранга А.П. Авинов;

10) «Иезекииль» — 74 пушки, 600 человек, капитан 2-го ранга И.И. Свинкин;

11) «Александр Невский» — 74 пушки, 600 человек, капитан 2-го ранга Л.Ф. Богданович;

12) «Елена» — 36 пушек, 250 человек, капитан-лейтенант Епанчин 1-й;

13) «Проворный» — 36 пушек, 300 человек, капитан-лейтенант Епанчин 2-й;

14) «Кастор» — 36 пушек, 250 человек, капитан-лейтенант Сытин;

15) «Константин» — 44 пушки, 300 человек, капитан 2-го ранга С.П. Хрущев.

Более мелкие корабли англо-французской эскадры были сгруппированы в два отряда. Отряд капитана Томаса Фелловса предназначался для уничтожения вражеских брандеров и состоял из следующих судов:

1) «Дартмут» — 50 пушек, 400 человек, капитан Фелловс;

2) «Роза» (бриг, двухмачтовое судно с прямыми парусами) — 18 пушек, 150 человек, капитан Дэви;

3) «Филомель» (бриг) — 18 пушек, 150 человек, капитан лорд Ингестр;

4) «Москито» (бриг) — 14 пушек, 120 человек, капитан Мартин;

5) «Бриск» (бриг) — 14 пушек, 120 человек, капитан Ансон;

6) «Алсиона» (бриг) — 14 пушек, 120 человек, капитан Тюрнен;

7) «Дафна» (шхуна, парусное двухмачтовое судно с косыми парусами) — 14 пушек, 100 человек;

8) «Гинд» (тендер[12][Тендер — одномачтовое судно водоизмещением 50 — 60 тонн, вооруженное 10 — 12 пушками малого калибра.]) — 10 пушек, 50 человек, капитан Рогг.

Кроме того, на правом турецком фланге действовали еще одно французское судно и 3 английских:

9) «Армида» — 44 пушки, 320 человек, капитан Погон;

10) «Глазго» — 50 пушек, 400 человек, капитан Мауд;

11) «Комбриэн» — 48 пушек, 380 человек, капитан Гамильтон;

12) «Толбот» (шлюп [13][Шлюп — парусный корабль, по размерам меньше корвета и больше брига.]) — 32 пушки, 250 человек, капитан лорд Спенсер.

Противостоящие союзной эскадре турецко-египетские силы, помимо упомянутых крепостных и береговых батарей, включали:

3 линейных корабля — 86-, 84- и 76-пушечные с экипажем в 900 человек на каждом;

5 двухпалубных 64-пушечных египетских фрегатов с экипажем в 650 человек каждый;

15 турецких 48- и 50-пушечных фрегатов с экипажами в 550 — 650 человек каждый;

Капитан, флаг-офицер и командор английского флота

3 туниских 36-пушечных фрегата и 20-пушечный бриг, экипаж 1125 человек;

42 24-пушечных корвета, экипаж 250 человек на каждом судне;

14 18- и 20-пушечных бригов, 150 человек команды на каждом.

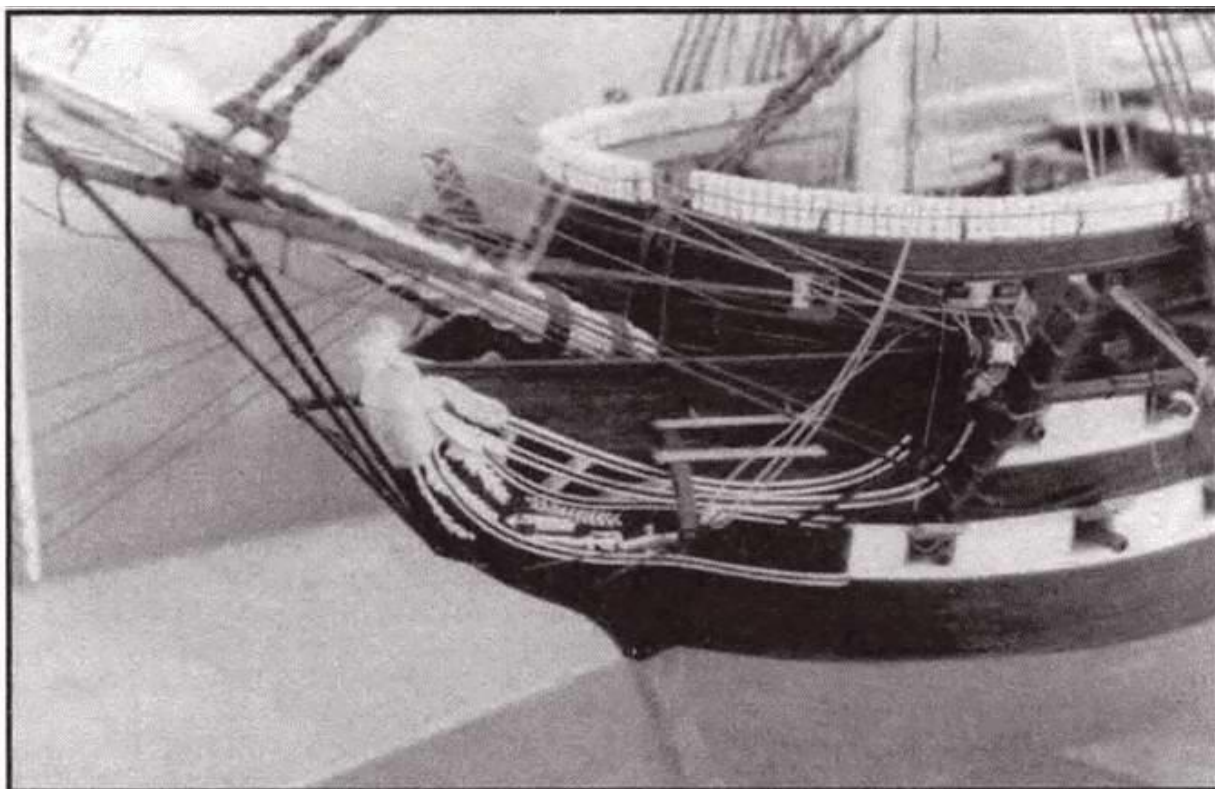
В начале построения в боевой порядок ближе всех ко входу в бухту находился французский фрегат «Сирена» под флагом контр-адмирала де Риньи, в районе островов Сфактерия и Продано под ветром стояла его эскадра. За ними шли англичане, совсем рядом следовал Гейден на «Азове» впереди русской колонны. В этот момент

Кодрингтон, шедший с частью первой колонны и второй, приказал сигналом с «Азии» французским кораблям войти в кильватер английских кораблей. Для этого российская эскадра должна была пропустить французов. Приказание этого маневра Гейдену привез на шлюпке посланный Кодрингтоном флаг-офицер. В результате выполненных маневров союзная эскадра подошла к входу в залив одной кильватерной колонной, а не двумя, как первоначально предполагалось. Таким образом достигалась большая безопасность союзного флота.

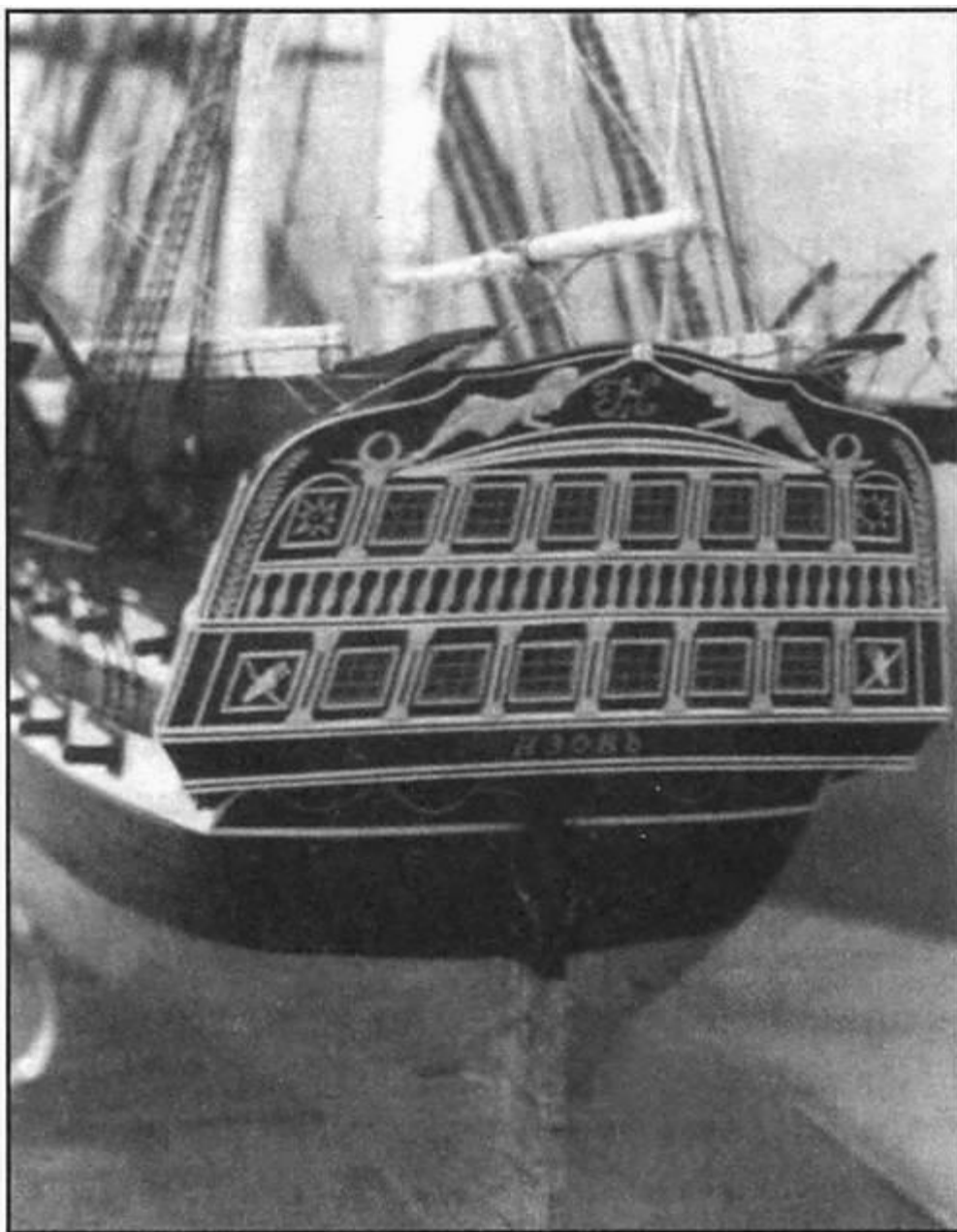
В час дня на адмиральских кораблях подняли национальные флаги. Первым в залив вошел «Дартмут» капитана Фелловса с отрядом вверенных ему судов, затем «Азия» и остальные английские корабли, строй которых замыкал «Альбион». В кильватер с ним следовали «Сирена» и прочие французские корабли. «Перед носом» русской эскадры плыли французский фрегат «Армида» и английский «Толбот».

В половине второго английская эскадра вошла в устье залива. Когда она проходила мимо Наваринской крепости, оттуда был произведен холостой пушечный выстрел. Это означало, что к адмиралу Кодрингтону направился парламентар. Посланный египетским адмиралом Мухарем-беем офицер передал Кодрингтону, что Ибрагим-паша уехал из Наварина в Модон, не оставив никаких приказаний относительно входа союзного флота в залив, а потому командующий турецко-египетским флотом требует повернуть корабли обратно в море. На это Кодрингтон ответил, что он прибыл сюда не получать, а отдавать приказания и что после вероломного нарушения слова, данного Ибрагим-пашой, он истребит весь турецкий флот, если по союзникам будет сделан хотя бы один выстрел. Английские корабли стали входить в бухту и по диспозиции становиться на шпринг [14] [Шпринг — веревочное (тросовое) приспособление, позволявшее парусному судну оставаться повернутым бортом в желаемом направлении независимо от перемены ветра или течения.]. По диспозиции Кодрингтона центр расположения союзной эскадры должны были составлять английские и русские корабли, правый фланг — французские корабли, английский фрегат и два брига, левый фланг — русский, два английских и французский фрегаты, а также английские корвет и бриг.

Достигнув в бухте положенного ему по диспозиции места, корабль «Азия» встал бортом против неприятельского линейного корабля и фрегата, на которых развевались флаги капитан-бея и Мухарем-бея соответственно. Соседний корабль «Генуя» также встал на шпринг против турецкого линейного корабля, а шедший за ним «Альбион» расположился перед двумя 56- и 62-пушечным вражескими фрегатами.

Нос «Азова». Модель

Корма «Азова». Модель

На левом фланге диспозиции союзной эскадры встал шлюп «Толбот» напротив 50-пушечного фрегата, а бриги «Филомель» и «Москито» — между брандерами. Капитан Фелловс со своим фрегатом «Дартмут» расположился между левым флангом турецкого флота, брандером и крепостью; поблизости заняли свои места бриги «Роза» и «Бrisk». Французская «Армида» пошла на правый неприятельский фланг, к «Толботу», а бриг «Алсиона» и шхуна «Дафна» встали рядом почти перед самым носом «Азии».

Во время построения кораблей союзной эскадры в боевой порядок, приблизительно в 2 часа дня, капитан Фелловс послал шлюпку с вооруженными людьми во главе с лейтенантом Фицроем для того, чтобы оттеснить находившийся в опасной близости к флангам брандер. С брандера открыли ружейный огонь по шлюпке, убили Фицроя и нескольких английских матросов. С английской шлюпки также начали стрелять, в перестрелку ввязался и фрегат «Дартмут». Под сильным огнем турки из шлюпки бросались в воду. Тем не менее они успели поджечь свой брандер, который позже сцепился с кораблем «Тридент» и вызвал на нем пожар; его, однако, вскоре удалось потушить.

Около половины третьего в этот район подошел флагманский французский фрегат «Сирена», следовавший за «Альбионом» и вставший против 64-пушечного египетского фрегата «Нзин», первого на левом фланге османской линии. За ним вдоль этой линии расположились «Тридент», «Сципион» и «Бреславль». Де Риньи стоял очень близко к «Нзину», так что сумел крикнуть египтянам, что если они не откроют огня, то и по ним стрелять не будут. Но почти сразу с одного из египетских корветов по «Сирене» произвели пушечный выстрел, в результате чего одному матросу оторвало обе ноги. Затем последовал выстрел по французскому фрегату с другого неприятельского фрегата, на что «Сирена» ответила пушечными выстрелами. Вслед за этим все турецкие суда и береговые батареи открыли сильный огонь по союзному флоту. Английские корабли, к этому времени стоявшие на своих местах, на шпрингах, в полной готовности к бою, открыли меткий и плотный ответный огонь. Сражение началось!

В этот момент русская эскадра только входила в Наваринскую бухту. Флагманский корабль «Азов» проходил между батареями Наваринской крепости и батареями острова Сфактерия. По обеим сторонам у входа в бухту горели турецкие брандеры, угрожая русским кораблям. Береговые батареи и три линии правого фланга османской флотилии били по ним. В своем донесении Гейден позже написал об этом эпизоде: «Невзирая на сей сильный огонь, «Азов» продолжал свой путь, не сделав ни одного пушечного выстрела, и стал на якорь на месте, для него назначенном; «Гангут»,

«Иезекииль», «Александр Невский» и четыре шедшие за ним фрегата совершили таковое же движение и, осыпаемые ядрами, стали в предписываемую им позицию».

Еще во время прохождения устья бухты наши корабли, поддержанные французским «Бреславлем», дали залп по береговым и крепостным батареям и быстро заставили их замолчать. Тем временем, еще до подхода русской эскадры, корабль «Азия», на котором находился адмирал Кодрингтон, вел бой с кораблем капитан-бея. Находившийся ближе корабль египетского военачальника Мухарем-бея по какой-то причине не принимал участия в перестрелке. Думая, что еще можно избежать кровопролитной схватки, английский адмирал послал к Мухарем-бею второго парламентаря с предложением: если тот не вступит в бой, то его не будут трогать. Однако парламентаря, грека-лоцмана, постигла участь лейтенанта Фицроя — он был убит прямо у борта египетского корабля, который сразу же открыл огонь по «Азии».

Таким образом, английскому флагманскому кораблю пришлось сражаться уже с двумя неприятельскими, к тому же по нему стали бить турецкие корабли второй и третьей линии. Английский корабль попал в очень трудное положение. У него перебили бизань-мачту (третью от носа), из-за чего перестали стрелять некоторые кормовые пушки. Но в это время подоспел Гейден на «Азове». Под градом картечи и ядер он подошел к месту своего расположения согласно диспозиции, быстро встал на якорь и убрал паруса. Было около 3 часов дня.

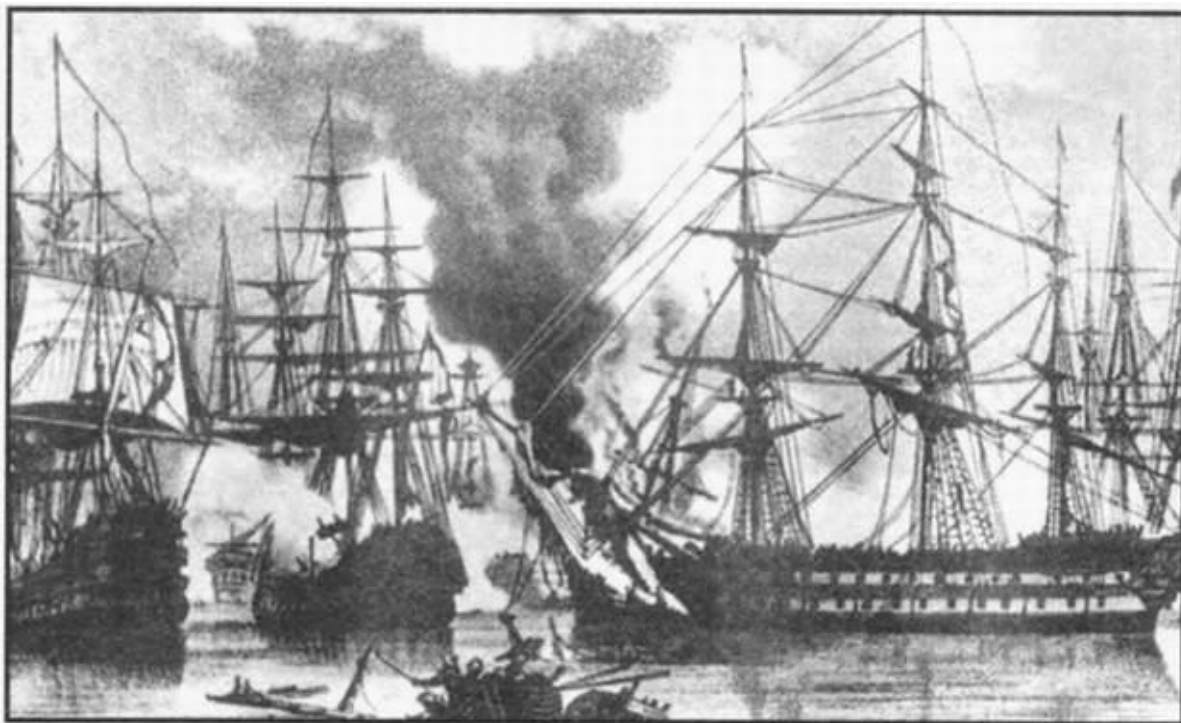
Служивший в то время на «Азове» лейтенант Павел Нахимов, впоследствии знаменитый адмирал, герой обороны Севастополя в Крымской войне 1853 — 1856 годов, дал такую картину завязки боя с участием русской эскадры: «В 3 часа мы положили якорь в назначенном месте и повернулись шпрингом вдоль борта неприятельского линейного корабля и двухдечного фрегата под турецким адмиральским флагом, и еще одного фрегата. Открыли огонь с правого борта... «Гангут» в дыму немного оттянул линию, потом заштилил и целым часом опоздал прийти на свое место. В это время мы выдерживали огонь шести судов и именно тех, которых должны были занять наши корабли... Казалось, весь ад разверзся перед нами! Не

было места, куда бы не сыпались кнители [15][Книпель — морской артиллерийский снаряд, который состоял из ядер, половинок ядер или цилиндров на концах железного четырехгранного стержня.], ядра и картечь. И ежели бы турки не били нас очень много по рангоуту [16][Рангоут — круглые деревянные или стальные трубчатые приспособления для постановки и растягивания парусов: мачты, реи, гафели, бушприт и т.п.], а били все в корпус, то я смело уверен, что у нас не осталось бы и половины команды».

Из свидетельства Нахимова следует, что в течение целого часа, до прихода остальных русских кораблей, «Азов» находился под огнем шести вражеских судов. Во втором донесении Николаю I от 13 октября 1827 года Гейден сообщает некоторые детали той ситуации: «Корабль же «Азов»... тогда как сам окружен был неприятелем, много помог английскому адмиралу, который сражался с 80-пушечным кораблем, имевшим флаг Мухарем-бея, ибо когда сей последний по причине перебитого у него шпринга повернулся к «Азову» кормою, то 14 орудий немедленно были на сей предмет отделены с левой стороны и действовали около получаса с таким успехом, что разбили ему, так сказать, всю корму, и когда в констапельской [17][Констапельская — каюта в корме нижней палубы (гондека).] и каюте оного сделался пожар и народ употреблял все усилия, чтоб погасить оный, то сильный же картечный огонь с «Азова» уничтожил сие намерение их, чрез что неприятельский корабль вскоре обнялся пламенем и наконец взорван был на воздух».

Так был уничтожен флагманский корабль Мухарем-бея, командующего объединенным турецко-египетским флотом. В донесении Гейдена он назван 80-пушечным кораблем. В то же время в «Списке о турецком и египетском флотах, сколько можно было собрать сведения», составленном 12 октября 1827 года тем же Гейденом, этот корабль значится как 64-пушечный египетский адмиральский фрегат «Адмирал Мухарем-бей». Фрегатами обычно называли трехмачтовые парусные суда с вооружением до 60 пушек на борту. Правда, название «64-пушечный» (или подобного типа) не означало точного числа орудий, их было, как правило, больше.

С другой стороны, в том же донесении Гейдена царю читаем: «Константинопольским флотом командовал Тахир-паша и капитан Бей, а египетским — Мухарем-бей». А в записках русского историографа И.И. Кадьяна, фрагменты которых приводятся В.Д. Доценко в книге «Мифы и легенды российского флота» о вышеприведенном эпизоде говорится следующее: «Когда у корабля капитан-бея «Азия» перебила шпринг, тогда он повернулся к «Азову» кормою», т. е. по существу то же, что и в донесении Гейдена. Более того, выше Кадьян пишет: «Корабль «Азия»... лег фертонг со шпрингами противу кораблей, на коих развевались флаги капитан-бея Тагир-паши и Могорем-бея»[18][В вышеперечисленных документах сохранены орфография и пунктуация первоисточника.]. Между тем, согласно «Морскому атласу СССР», т. III, ч. II, Тагир-паша стоял в 1800 метрах северо-западнее «Азии» и не вел с ним перестрелку. Таким образом, против «Азии» сражались корабли командующего объединенным турецким флотом Мухарем-бея и «таинственного» капитан-бея. Рыкачев в своих записках называет его Патрони-беем. Поскольку на этом корабле развевался адмиральский флаг, надо полагать, что этот Патрони носил какой-то адмиральский чин.

Корабли «Гангут», «Иезекииль» и «Александр Невский» в Наваринском сражении (справа налево)

Положение «Азова» значительно облегчилось с подходом «Гангута» и остальных наших кораблей. По пути на место диспозиции они точными пушечными выстрелами уничтожили три турецких брандера с их экипажами. Встреча с еще одним брандером могла печально окончиться для французского корабля «Сципион»: он налетел на горящий турецкий брандер, в результате чего пламя перекинулось на корабль, девять человек сгорели заживо. Но команда сумела справиться с пожаром, а огнем с других кораблей брандер был потоплен.

«Гангут» первым встал на якорь и тотчас попал под обстрел сразу трех турецких фрегатов, в том числе «Адмирала Тахир-паши», флагманского фрегата Тагир-паши (в разных источниках Тахир-паша и Таир-паша). Они нанесли русскому кораблю серьезный ущерб, пока не подошел корабль «Иезекииль», который атаковал 54-пушечный турецкий фрегат и корабли второй и третьей линии. По второй линии и остальным двум фрегатам палил «Гангут». По «Адмиралу Тахир-паше» вел огонь и «Азов», на помощь которому подоспел французский «Бреславль». Гейден писал по поводу этого эпизода: «Капитан Ла Бретоньер, командир французского корабля «Бреславля», приняв невыгодную при начале сражения позицию и усмотрев, что корабль «Азов» весьма много претерпевает от неприятеля, сражаясь в одно время против пяти военных судов, и что он сам не приносил неприятелю никакого почти вреда, немедленно обрубил свой канат и занял место между «Азовом» и «Альбионом», чрез что некоторым образом облегчил наше положение».

А. Рыкачев, лейтенант «Гангута», нарисовал такую картину этой фазы боя: «Густой дым с обеих сторон мешал хорошенько видеть действия остальных судов соединенного флота. Французский адмиральский фрегат «Сирена» был сильно побит, зато дравшийся с ним египетский корабль уже горел. Английские корабли «Альбион» и «Генуя» ужасно громили свалившиеся два линейных турецких корабля и двухдечный фрегат. Адмиральский корабль «Азия» помогал им своим правым бортом, а левым действовал против египетского двухдечного фрегата. Наш «Азов» частью своей левой батареи действовал по вышесказанным кораблям и бил еще продольными выстрелами 80-пушечный турецкий корабль,

И.К. Айвазовский. Морское сражение при Наварине 8 октября 1827 г.

дравшийся с «Альбионом»... В то же время «Азов» не прекращал огонь по фрегату Тагир-паши... Прочие корабли французской линии уже истребили своих противников. Корабль «Бреславль», бросивший прежде в дыму якорь посередине губы [19][Губа — залив.], отрубил канат, пришел под корму нашего адмиральского корабля и жестоко бил корветы второй и третьей линии, а своими носовыми пушками действовал также по турецкому кораблю».

Примерно в половине пятого, как указывает Рыкачев, «дравшийся с нами фрегат, закрыв борта, но не спуская флага, погрузился в воду. Вскоре и другой 64-пушечный взлетел на воздух. Громогласное «ура» по всей линии было знаком того, что победа начала явно клониться в нашу сторону... После взрыва нашего ближайшего противника мы продолжали действовать плутонгами [20][Плутонг — группа орудий корабля, действующая одновременно по одной цели.] по корветам, бывшим во второй линии сзади фрегатов. Суда эти, отрубив канаты, буксировались к берегу, но, не достигнув одного, тонули, а люди

спасались вплавь. Около того же времени взлетел на воздух 80-пушечный турецкий корабль, дравшийся с кораблем «Азия». Тогда сражение уже было совершенно выиграно. Кругом все горело. Беспрестанные взрывы оттоманских судов освещали торжествующий флот союзников».

Нахимов замечает: «И я не понимаю, как ни одно судно из соединенного флота не сгорело во время сражения». Но ущерб союзному флоту был нанесен значительный. По донесениям Гейдена, «Азов», «Гангут» и «Иезекииль» много потерпели, и российская эскадра, вместе с английскою, отправилась и прибыла в Мальту для починок. В сем сражении три адмиральских корабля более всех потерпели как в убитых и раненых, так в повреждении корпуса, рангоута и такелажа: английский и французский адмиралы, кроме других многих повреждений, потеряли бизань-мачты; у «Азова» же все мачты столько пробиты, что при фальшивом даже вооружении с трудом можно нести на оных паруса; кроме сего в одном корпусе корабля насчитано 153 пробоины, в том числе 7 подводных».

Это неудивительно, если иметь в виду ту сложнейшую ситуацию, в которой оказался «Азов». Но дрался он замечательно. По словам Гейдена, «он сильным своим огнем потопил два огромных фрегата и корвет, сбил 80-пушечный корабль, который бросило на мель и напоследок был взорван, истребил двухдечный фрегат, на коем главнокомандующий турецким флотом Тагир-паша имел свой флаг и который на другой день сгорел, имев, по признанию самого паши, из 600 человек своей команды до 500 убитых и раненых».

Из этого отрывка следует, что упомянутый 80-пушечный корабль — это тот самый корабль Мухарем-бея, и уничтожен он был совместными действиями «Азии» и «Азова». Далее, фрегат Тагир-паши — это один из трех фрегатов, с которыми сначала вел бой «Гангут» и, возможно, «Иезекииль». Значит, его уничтожение было результатом общих усилий этих кораблей. Сам «Гангут» потопил один турецкий фрегат, а один фрегат зажег и взорвал, как следует из записок Рыкачева. Один турецкий 58-пушечный фрегат, сражавшийся против корабля «Александр Невский», спустил флаг и сдался в плен. Команда его была высажена на берег, а фрегат вскоре

затонул. К сожалению, в отечественной литературе почти не встретишь конкретных сведений о результатах действий кораблей английской и французской эскадр.

«ДАЛЬШЕ — ТИШИНА»

В 6 часов вечера (по другим источникам в 6 часов 20 минут) был дан отбой. Сражение закончилось. Рыкачев оставил яркое описание первых часов после боя: «Прекрасный вечер, совершенный штиль, и ничто не омрачало ясного неба в то время, как такие ужасы совершались вокруг нас. Офицеры, собравшись, целовались как братья, и радость увидеть всех целыми была безмерная. Всякий наскоро рассказывал, что случилось у него в отряде во время боя; что же касается до меня, то вообще в этот день я был очень счастлив и не могу описать того чувства, которое владело мною. Меня особенно осчастливили наши brave матросы, дравшиеся с мужеством, превышающим всякое выражение... В половине 7-го часа офицер от графа Гейдена приехал на корабль поздравить капитана и офицеров с победой и поблагодарить от имени адмирала за скорое занятие места и славное действие орудиями... Мы... собрались на юте любоваться необыкновенным и величественным зрелищем. На всех кораблях соединенного флота осветили батареи, беспрестанные объезды бороздили бухту и вызывали самые разнообразные оклики часовых. «Кто гребет?!» — кричали у нас... кричали французы... на английских кораблях. Все это мешалось с ружейными выстрелами и по временам заглушалось залпами пылающих турецких кораблей или громовыми раскатами внезапного взрыва. Все эти звуки, не умолкая, переливались в горах, освещенных ярким пламенем догорающих неприятельских кораблей, разбросанных по отмелям у берегов и отраженных в тихих водах залива, наполненных убитыми и утопающими, искавшими неверного спасения на плавающих обломках разбитых кораблей... С 7 часов вечера до 12-ти последовали один после другого 7 взрывов. Турки в отчаянии сами зажигали свои суда. В этих случаях каждый раз пожар примерно распространялся по всему судну, от чрезмерной жары раскалявшиеся пушки стреляли сами собою, и вскоре за тем следовал взрыв».

И.К. Айвазовский. Утро на море

Нахимов вспоминал о ночи после боя:

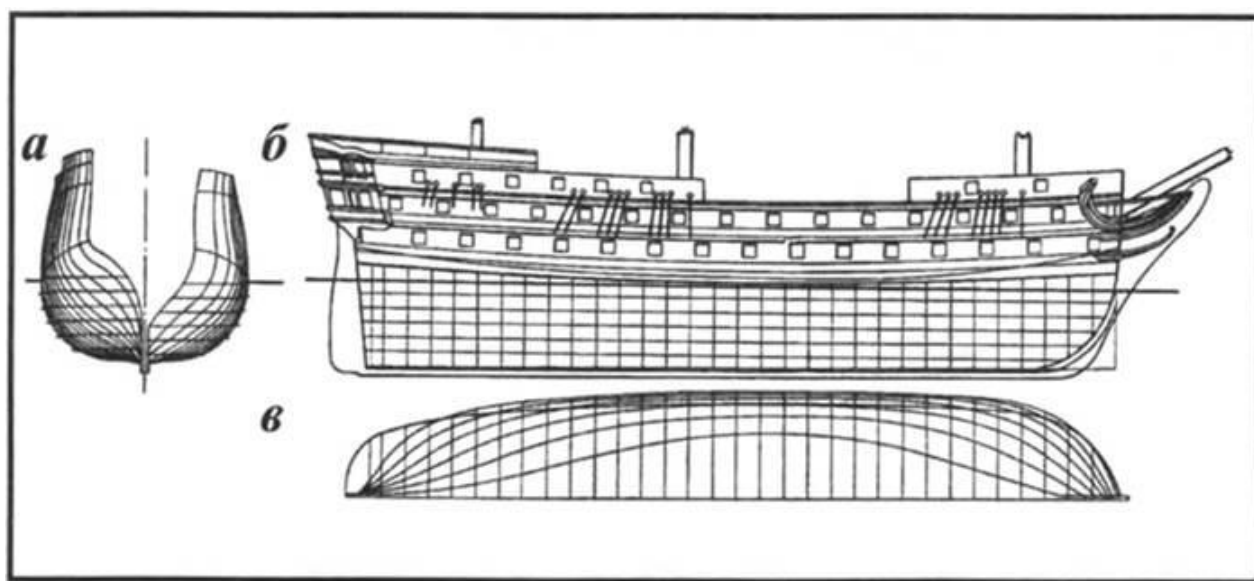
«Ночь была ужаснее самого сражения. В беспрестанном ожидании новых нападений всю ночь стояли по пушкам, непрерывно видели горящие и взрывающиеся на воздух суда так близко, что, стоявши наверху, чувствуешь довольно сильный жар.

В 12 часов видим большое военное судно, идущее прямо на нас. Окликаем — не подает голоса. Мы сейчас догадались, что оно идет с тем, чтобы сцепиться с нами и зажечь себя. Но что делать? Ни одной не имеем целой шлюпки, которую могли послать абординовать его и потом отбуксировать. Он прошел нас и сцепился с «Гангутом».

Рыкачев был участником операции по обезвреживанию грозившего «Азову» и «Гангуту» вражеского судна: «У нас на «Гангуте» не без

основания заключили, что мы имеем дело с брандером... Неприятельский фрегат бушпритом сильно ударил в нашу грот-мачту и увяз в наших грот-вантах [21][Грот-ванты — неподвижные снасти грот-мачты, которыми крепятся мачты, стенги и брам-стенги с боков.]... Наши brave матросики в одну секунду по бушприту и такелажу выбежали на палубу неприятельского фрегата... и нашли на палубе трех голых турок, которые старались раздуть огонь, разведенный в кострах, в исступлении изрубили их... Я спустился в шлюпку и вскоре успел с подошедшими ко мне на помощь гребными судами нашей эскадры и с французского корабля «Бреслав» отвести его в сторону. Здесь, прорубив в нескольких местах борт навалившегося на нас фрегата, мы пустили его ко дну».

В 6 часов утра 9 октября над Наваринской бухтой вошло солнце, осветившее жалкие остатки османского флота и догоравшие суда. Гейден в донесении царю сообщал, что «из 60 военных судов, турецкий и египетский флот составлявших, остался только один фрегат и до 15 мелких судов... взорвано между судами соединенных эскадр 13 неприятельских больших судов и на другой день еще 18 разной величины; вообще потеря на турецко-египетском флоте должна быть чрезвычайна, и можно полагать, что погибло всего от шести до семи тысяч».

Чертеж 74-пушечного корабля «Александр Невский»: а — корпус; б — бок; в — полуширота[22][Полуширота — проекция внешних

очертаний корпуса судна на горизонтальную плоскость, проходящую через ватерлинию.]

Другие данные приводятся В.Д. Доценко в книге «Мифы и легенды российского флота»: 60 уничтоженных кораблей, в том числе 3 линейных корабля, 9 фрегатов, 24 корвета, 14 бригов, 10 брандеров и других судов. Но и у самого Гейдена данные противоречат кое в чем друг другу: в «Списке о турецком и египетском флотах...», датированном 12 октября, читаем: «8 октября всего стояло судов 125, из оного числа 31 транспорт и 94 военных судов, как-то: кораблей, фрегатов, корветов и бригов. Осталось 10 октября 8 корветов, 16 бригов и 23 транспорта. Взорвано и пущено ко дну 70 военных судов и 8 транспортов».

В 10 часов утра английский фрегат «Дартмут» с поднятым белым флагом подошел к стоявшему у берега турецкому корвету с поднятым на мачте красным флагом. От английского судна отделилась шлюпка, в которой сидел офицер-парламентер с письмом Тагир-паше от союзных адмиралов. Турки, завидев движущийся к ним «Дартмут», испугались и принялись сжигать оставшиеся суда. Вновь по всей бухте запылали пожары. Чтобы обезопасить свои линейные корабли, русские и английские фрегаты окружили их кольцом.

Письмо, которое привез английский офицер, предназначалось Ибрагим-паше. В нем, в частности, говорилось, что союзная эскадра не собирается уничтожать остальные корабли турецкого флота и потому союзные адмиралы извещают Ибрагим-пашу, турецких адмиралов и других начальников, что если они прекратят все военные действия, то дружественные отношения, нарушенные турецкой стороной, снова возобновятся. Ну а если хоть одно ядро будет выпущено по какому-либо союзному судну или шлюпке, союзная эскадра тотчас уничтожит все оставшиеся турецкие суда и укрепления Наваринской крепости. В полдень «Дартмут» с командующим турецким флотом Тагир-пашой снялся с якоря и направился к «Азии». Он был встречен Кодрингтоном, де Риньи и Гейденом. В беседе с ними турецкий адмирал дал гарантию неприменения силы со стороны подначальных ему судов, но не

может ручаться за не подчиняющиеся ему сухопутные войска и за крепости. Он единственно обещал сообщить этим войскам требования союзников, после чего отплыл на свой корвет.

Из событий 9 октября можно отметить потопление турецкого фрегата, взятого в плен накануне кораблем «Александр Невский». На его борту находилось 56 медных пушек, которые пошли ко дну вместе с фрегатом. В тот же день контр-адмирал Гейден объявил глубокую признательность офицерам и матросам четырех кораблей и фрегата «Константин». Последний под командой капитана Хрущева спас английский бриг, получивший серьезные повреждения и потерявший все якоря, взяв его на «прицеп» («на бакштов» по-флотски).

В рапорте Николаю I от 12 октября 1827 года Гейден писал: «Не нахожу достаточных выражений, дабы изъяснить в. в-ву храбрость, присутствие духа и усердие капитанов, офицеров и нижних чинов, оказанные ими во время кровопролитного сего сражения; они дрались, как львы, против многочисленного и упорного неприятеля, а в особенности отличились капитаны Лазарев, Авинов, Свинкин, Богданович и Хрущев».

Любопытную деталь сообщил Рыкачев о затоплении турецкого фрегата, упомянутого выше: «Сегодня пущен ко дну турецкий фрегат, взятый кораблем «Александр Невский». Тогда же отпущены и взятые на нем турки. Отпуская их, мы дали им на три дня сухарей и бочку масла. Как кажется, они живо чувствуют наше доброе с ними обхождение, и многие изъявили даже желание остаться у нас».

Союзная эскадра находилась в Наварине до 13 октября, занимаясь починкой кораблей. Нахимов писал, что «нам надобно все новые мачты, стеньги, нижние реи, надобно все переменить многие перебитые бимсы [23][Бимсы — балки, служащие основанием палубы.], кницы, заделать пробоины и прочее. Надобно почти весь новый стоячий такелаж, многие нижние ванты и штанги перебиты даже в нескольких местах». Эти дни прошли спокойно, хотя «турки бродят по утесам с ружьями и грабят свои суда, стоящие у берега. Они безопасно проезжают с одной стороны бухты на другую и вообще мало стесняются нашим присутствием. Пушечной пальбы уже совсем не слышать... Батареи молчат», как отмечал Рыкачев.

Он же рассказал об интересных деталях событий, предшествовавших Наваринскому бою. О них поведал пленный турецкий чиновник. Оказывается, Тагир-паша и Мухарем-бей советовали Ибрагим-паше принять условия Кодрингтона, но тот наотрез отказался, полагая позицию турецкого флота неприступной. Увидев входящий в бухту союзный флот, Ибрагим-паша сказал своей свите: «Вот наши призы». Он отдал приказ своим капитанам встать на якорь, а в первую же ночь, когда союзный флот будет стоять в заливе, внезапно взять на абордаж все его суда. «Приказание это, — пишет Рыкачев, — к нашему счастью, исполнено не было, иначе наш флот, вероятно, не отделался бы так дешево».

Отметим, что дело не в том, что приказание Ибрагим-паши не было выполнено, а в том, что его просто невозможно было выполнить: Кодрингтон начал входить в залив в полдень, а к 6 часам вечера все уже было кончено. Другое дело, если бы Ибрагим-паша проявил хитрость: сделал вид, что не намерен драться и тянул бы время до ночи. «Дешевизна» же состояла в следующем: ни одной потери в кораблях, 2 убитых офицера (оба русских) и 171 убитый матрос (57 русских, 73 англичанина и 41 француз); ранены 25 офицеров и 562 матроса.

Это блестящая победа стала возможной в первую очередь благодаря отличной организации, взаимопониманию между тремя адмиралами и тесному взаимодействию трех эскадр. В первом донесении царю Гейден писал: «В продолжение сей достопамятной битвы три союзных флота соревновали один другого в храбрости. Никогда не видно было столь искреннего единодушия между различными нациями. Взаимные пособия доставались с неописанною деятельностью; при Наварине слава английского флота явилась в новом блеске, а на французской эскадре начиная от адмирала Риньи все офицеры и служители явили редкие примеры мужества и неустрашимости». И во втором рапорте: «Примерное единодушие, с которым действовали корабли соединенных эскадр, превосходит всякое вероятие; казалось, что мысли всех обращены были к одной и той же цели и что эскадры сии принадлежали одной и той же нации».

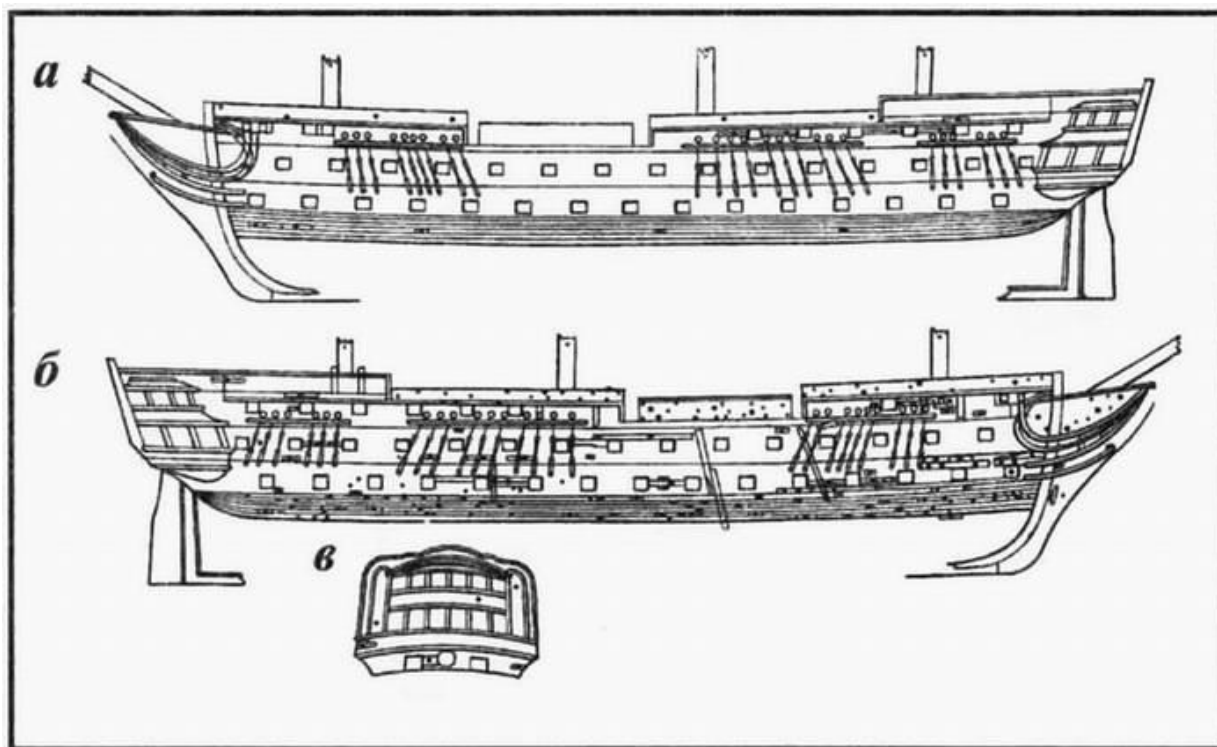
14 октября 1827 года русская эскадра вышла из Наварина и 27 октября прибыла на Мальту, где уже стояла английская эскадра. Перед отплытием адмирал Кодрингтон издал приказ следующего содержания:

Прежде нежели соединенная эскадра оставит место, ознаменованное ею столь решительной победой, главнокомандующий поставил себе приятною обязанностью изъявить всем 22 офицерам и нижним чинам, на эскадрах сих находящийся, высокое свое понятие о чрезвычайной храбрости и деятельности их, очевидцем коих он был 8 октября. Он совершенно уверен, что ни в каком флоте, принадлежащем далее одной и той же нации, не могло быть оказано более единодушия в действии, как то ознаменовано было на эскадрах трех наших союзных держав в сем кровопролитном и гибельном для неприятеля сражении. Он в особенности приписывает сие славным подвигам своих сподвижников, господ контр-адмиралов, подвиги которых послужили примером многим кораблям их к столь скорому и искреннему вспоможению, доставленному от одного другому в самом жару и смятении сражения. Таковое единодушие к общей цели, таковое хладнокровие и храбрость среди сильного огня и столь примерная точность в действии орудиями была следствием одержанной победы над благоразумно приуготовленными в превосходнейшей силе неприятелем и кончилось тем, что турецкий и египетский флоты получат должное наказание за неисполнение данного им обещания.

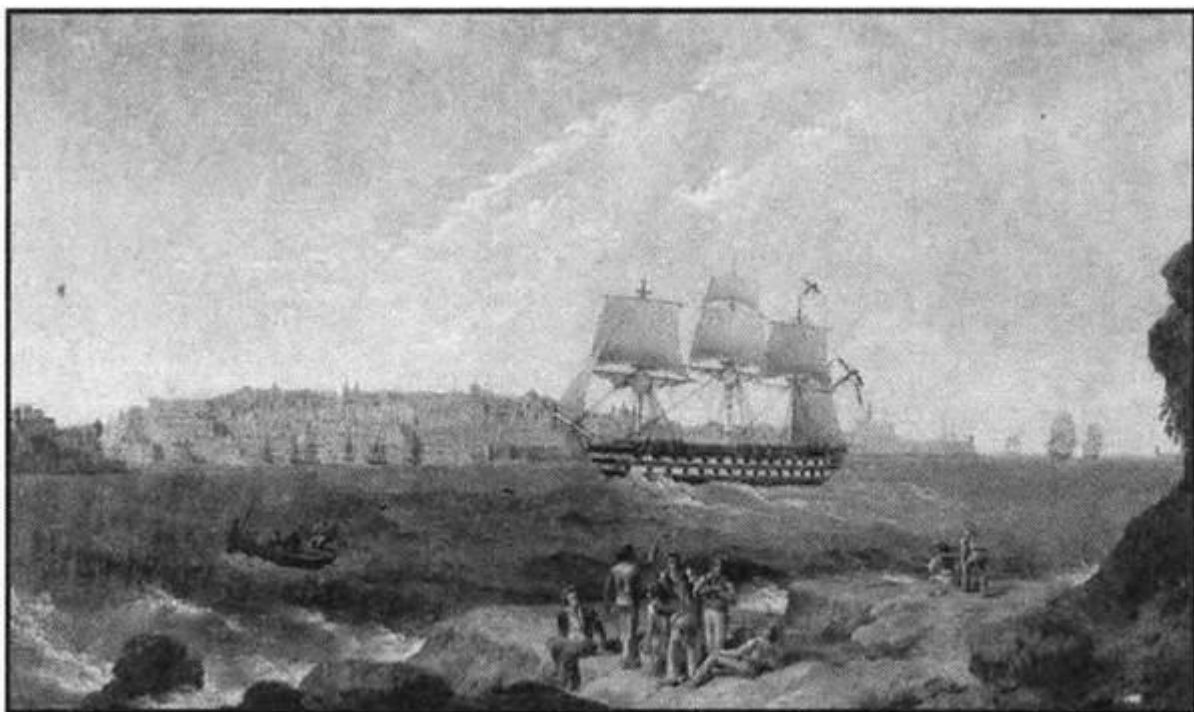
Надменный Ибрагим-паша обещался не оставлять Наварин и не препятствовать действиям союзного флота, но бесчестно изменил данному им слову. Союзные лее начальники дачи обещание истребить турецкий и египетский флоты, ежели хоть один выстрел будет сделан по которому-либо из их флотов, и с помощью храбрых тех людей, коими счастье они имели командовать, в полной мере исполнили обещание свое. Из 60 военных судов, флот их составлявших, остался только один фрегат и до 15 мелких судов, и те в таком положении, что едва ли когда в состоянии будут вступить под паруса.

Таковая победа не может быть одержана без пожертвования жизнью многих людей, и главнокомандующий в полной мере скорбит о потере многих лучших и храбрейших воинов. Одно лишь утешение находит

он в том, что они пали, исполняя долг свой в избавлении страждущего человечества.

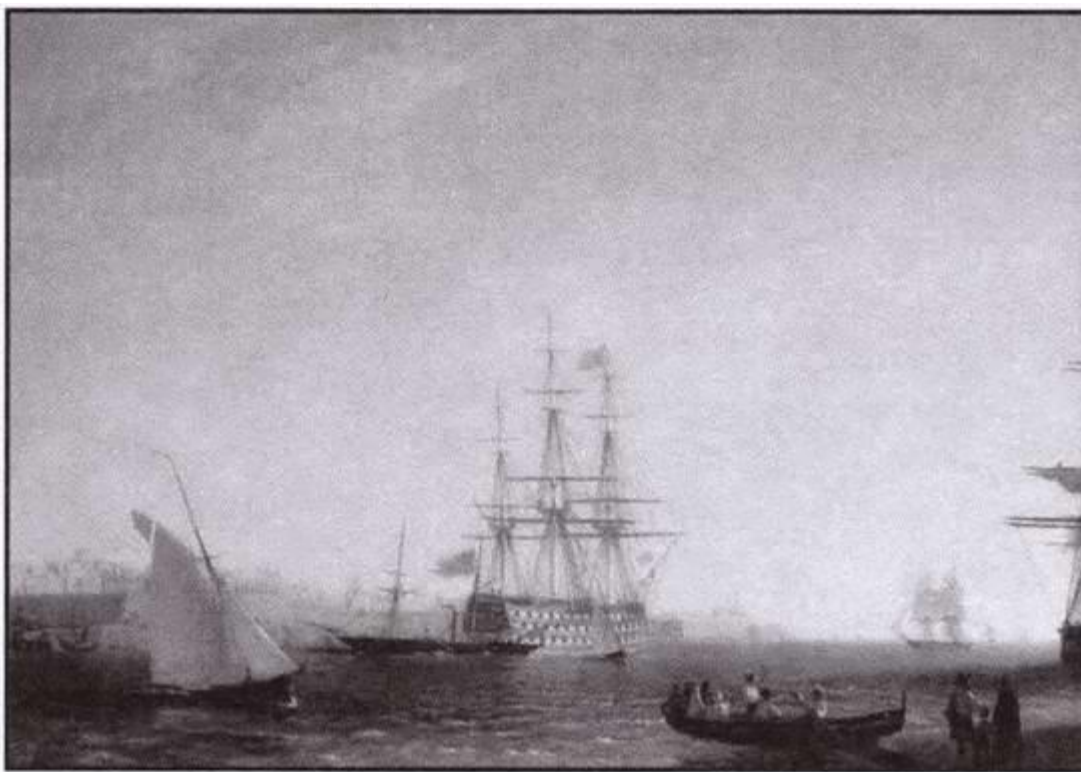
Боевые повреждения «Азова»: а — левый борт; б — правый борт; в — корма

Неизвестный художник. Корабль «Азов» после Наваринского сражения входит в порт Ла-Валетты. 1827 год

Командир линейного корабля «Азов» и начальник штаба русской эскадры М.П. Лазарев

И.К. Айвазовский. Порт Ла-Валлетта на острове Мальта

Главнокомандующий изъявляет искреннюю свою признательность высоким своим сподвижникам, господам контр-адмиралам за благоразумное и отличное управление своими эскадрами, а также капитанам, офицерам и нижним чинам за точное исполнение возложенных на них обязанностей и мужество, с которым истребили они своих противников.

ГЕРОИ И НАГРАДЫ

Участники Наваринской битвы были щедро награждены монаршей рукой. Командующий русской эскадрой граф Логин Петрович Гейден удостоился чина вице-адмирала, ордена Св. Георгия 3-й степени, а также получил французский орден Св. Людовика 1-й степени и английский орден Бани 2-й степени большого креста. Николай I наградил Эдварда Кодрингтона орденом Св. Георгия 2-й степени, а Андре Даниэля де Риньи — орденом Св. Александра Невского.

Высоко были оценены действия командиров русских кораблей. Командир «Азова» Михаил Лазарев из капитанов 1-го ранга был

произведен в контр-адмиралы и награжден французским военным орденом Св. Людовика и английским орденом Бани; командир «Гангута» Александр Авинов пожалован орденами Св. Владимира 3-й степени, Св. Людовика и Бани; командовавший «Иезекиилем» капитан 2-го ранга Иосиф Свинкин, получивший тяжелое ранение картечью в начале сражения, но руководивший боем своего корабля в течение всего сражения, произведен в капитаны 2-го ранга и награжден орденом Св. Владимира 3-й степени и орденами Св. Людовика и Бани. Одинаковые награды были вручены командирам корабля «Александр Невский» Луке Богдановичу и фрегата «Константин» Степану Хрущеву: ордена Св. Анны 2-й степени, Св. Людовика и Бани.

Лейтенант Павел Нахимов стал капитан-лейтенантом и получил орден Св. Георгия 4-й степени. Неоднократно цитировавшийся здесь Александр Рыкачев, лейтенант «Гангута», был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, на каждый корабль было выдано для нижних чинов по десять, а на каждый фрегат — по пять Георгиевских крестов.

17 октября 1827 года вышел указ Николая I о награждении экипажа корабля «Азов» кормовым Георгиевским флагом. Такое произошло впервые в истории российского флота. В указе, в частности, говорилось:

«Обращая внимание на славные подвиги 12 флотского экипажа на корабле «Азов» в 8 день октября текущего года при истреблении соединенными эскадрами, российскою, английскою и французскою, турецко-египетского флота у Наварина, всемилостивейше жалуем экипажу сему кормовой 2 дивизии флаг со знаменiem Св. великомученика и победоносца Георгия в память достохвальных деяний начальников, мужества и неустрашимости офицеров и храбрости нижних чинов.

Флаг сей, препровождая при сем с принадлежащим к нему вымпелом, повелеваем по прочтении сей грамоты пред всеми участвовавшими на корабле «Азов» в битве Наваринской поднять сии знаки отличия по установлению и впредь поднимать на линейных кораблях 12 флотского экипажа, к коему пребываем императорской нашей милостью благосклонны».

Церемония награждения экипажа «Азова» Георгиевским флагом проходила 23 марта 1827 года в столице Мальты Ла-Валлетте. К 10 часам утра рейд был покрыт гребными судами, принадлежавшими генерал-губернатору Мальты и членам правительства, шлюпками с английских и русских военных кораблей. Все они стали собираться возле «Азова», и находившиеся в них лица поднялись на его борт, где были встречены с большими почестями. Среди гостей был и Кодрингтон. Церемония приема гостей заняла около 3 — 4 часов. О дальнейших событиях можно прочитать в шканечном (вахтенном) журнале «Азова»:

«В $\frac{1}{4}$ 3 часа начальствующий эскадрой г. вице-адмирал и кавалер гр. Гейден, начальник штаба г. Контр-адмирал и кавалер Лазарев вышли из каюты, и по приказанию их вынесен флаг и вымпел в сопровождении экипажного адъютанта и офицера корпуса штурманов, четырех унтер-офицеров; по поставлению стола с новопожалованным флагом и вымпелом на урочное место обер-аудитор Алексеев читал грамоту на вновь пожалованный Георгиевский флаг и вымпел государем императором 12 линейному экипажу и воинский артикул из законов Петра Великого.

По окончании чтения артикулов в $\frac{1}{2}$ 3 часа священник начал богослужение на освящение флага и вымпела, по освящению же оных читано клятвенное обещание, и все предстоящие генералитеты, штаб-и обер-офицеры и нижние чины произносили его вполголоса. По окончании присяги посланы были люди по реям и, подняв новопожалованный Георгиевский флаг, прокричали 3 раза «ура», после чего салютовали от нас из всех орудий, а с прочих судов нашей эскадры по 21 выстрелу. Вымпел же был отослан на английский вице-адмиральский шлюп «Тальбот» с мичманом Истоминым, на коем в 3 часа подняли оный на грот-брам-стеннге. При поднятии салютовано было со всей английской эскадры военных судов, неаполитанской шхуны и крепостей».

Николай I, Александра Федоровна и Константин Николаевич в море на прогулке. Литография с оригинала Г. Дау

НАЦИИ И РЕАКЦИИ

13 октября 1827 года, когда русская эскадра еще стояла на Наваринском рейде, Гейден направил управляющему российским министерством иностранных дел Нессельроде письмо, в котором расставил некоторые важные, по его мнению, акценты произошедшего события:

«1. Г-н вице-адмирал Кодрингтон, под начало которого я был поставлен, лично наметил проект и план входа наших эскадр в Наварин.

2. Первый выстрел был произведен с брандера под турецким флагом; в результате был убит один английский офицер и несколько матросов.

3. Английские и французские фрегаты первые ответили на это нападение.

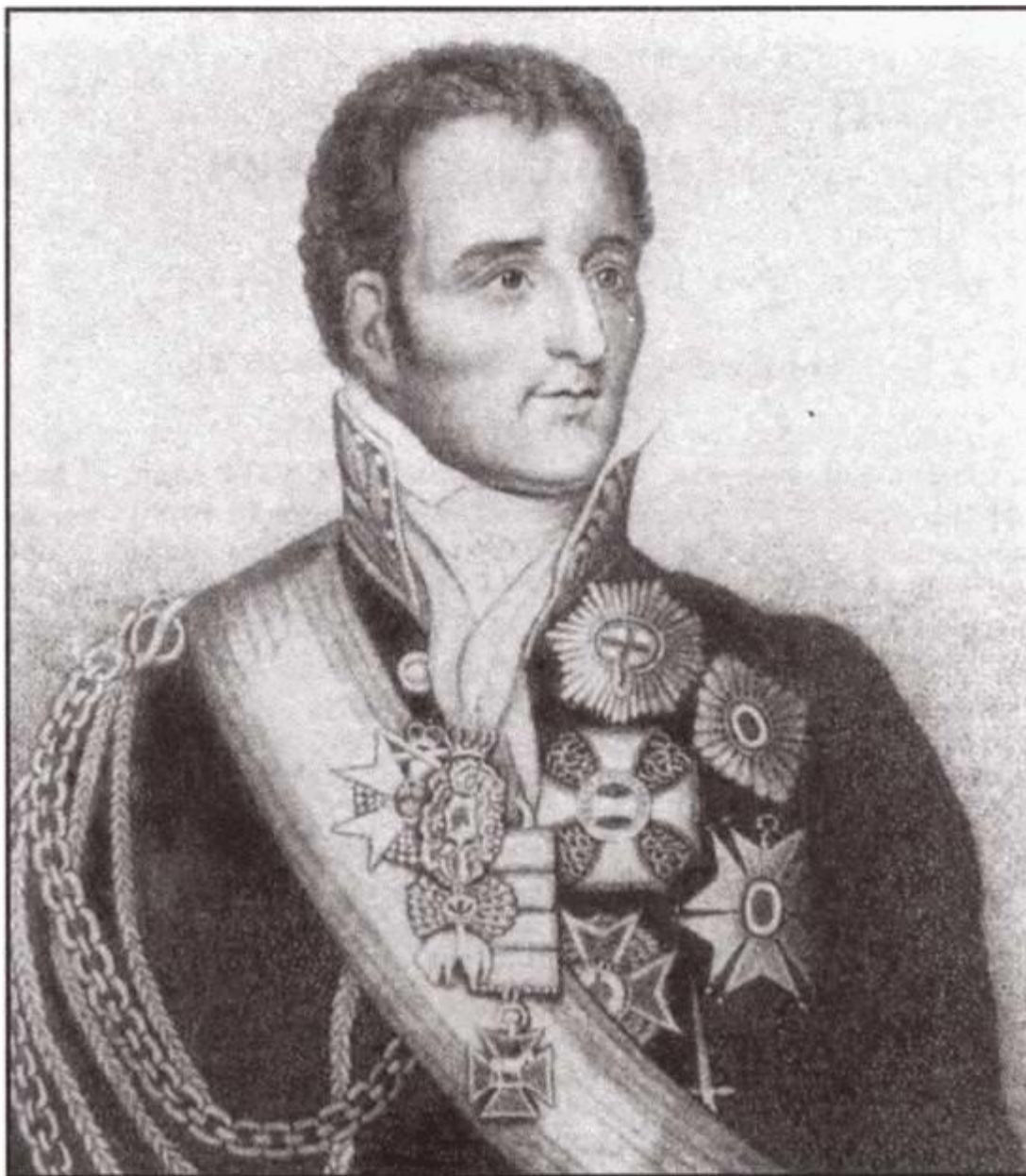
4. Наши корабли открыли огонь лишь после того, как батареи форта и турецкие корабли подвергли их шквальному обстрелу, ведя огонь главным образом по флагманскому судну. [...]

Показания христианских и турецких пленных сходятся в том, что истинными виновниками происшедшей катастрофы являются Ибрагим-паша и его родственник Мохарем-бей. [...]

Известно также... что Ибрагим в бессильном гневе... теперь воюет не только с людьми, но и с самой страной, сжигая и уничтожая все фруктовые деревья и произведения земли в округах, которые ему удастся захватить. [...]

Уверяют, что его армия — пехота и кавалерия — насчитывает свыше 20 тыс. человек, но потеря флота и нехватка провианта вынудят его стянуть свои войска в крепости и просить о капитуляции, или же он попыбует пробиться через Морею, чтобы устремиться через Коринфский перешеек в материковую часть Греции».

Победа при Наварине вызвала бурное ликование в Греции. В истории национально-освободительной борьбы этой страны была открыта новая страница, одна из последних в ней. 12 октября представители Морей обратились к трем союзным адмиралам с благодарственными адресами. В ответном письме было подчеркнуто, что победа в Наваринском бою окажет «решающее влияние на судьбу Греции».

Главнокомандующий английской армией А. У. Веллингтон

С удовлетворением встретил известие о наваринской победе русский император Николай I. Он считал это событие свидетельством единства союзников и наградил русскими орденами Кодрингтона и де Риньи. В письме от 8 ноября 1827 года, направленном Кодрингтону, царь писал: «Вы одержали победу, за которую цивилизованная Европа должна быть вам вдвойне признательна. Достопамятная Наваринская битва и предшествовавшие ей смелые маневры говорят миру об одной лишь степени рвения, проявленного тремя державами, — в деле, бескорыстие которого еще более оттеняет его благородный характер;

они доказывают также, что может сделать твердость против численного превосходства, искусно руководимое мужество — против слепой отваги, на какие бы силы последняя ни опиралась. Ваше имя принадлежит отныне потомству... Посылаю вам прилагаемый орден Св. Георгия 2-й ст. Русский флот гордится, что заслужил под Наварином ваше одобрение. Мне же особенно приятно заверить вас в чувствах питаемого к вам уважения».

Совсем иначе отнеслись к славной победе английские правящие круги. Русский посол в Лондоне Ливен в депеше на имя Нессельроде от 18 марта 1828 года отметил, что это событие вызвало у британского руководства «смешанные чувства гордости и страха». Получив известие о наваринской победе, английский король Георг IV воскликнул: «Какое неожиданное событие!» Он был крайне раздражен действиями Кодрингтона. Выступая в парламенте в ноябре 1827 года, король назвал Наваринское сражение «нежелательным явлением». В тронной речи, зачитанной от имени Георга IV на открытии сессии британского парламента 29 января 1828 года, было вновь выражено явное недовольство Наваринским сражением. При этом ни слова не было сказано о возможности дальнейших совместных действий союзников в отношении Турции во исполнение Лондонского договора.

События у Наварина были использованы сторонниками Порты в сложной парламентской игре, в результате которой в начале 1828 года к власти пришел кабинет консерваторов во главе с герцогом Веллингтоном. В письме Гейдена к Нессельроде от 28 февраля 1828 года русский адмирал сообщает министру о недовольстве английского правительства действиями Кодрингтона: «В одном из последних наших свиданий с сэром Кодрингтоном мы разговорились довольно откровенно о неприятных обстоятельствах, которые, дав лорду Веллингтону управление делами, сделали Сент-Джемский кабинет[24][Сент-Джемский кабинет — английское правительство (по названию Сент-Джемского дворца в Лондоне, в котором до 1697 года была резиденция английских королей).]колеблющимся и нерешительным. Вместо точных и положительных инструкций, которые сэр Кодрингтон потребовал у своего правительства, он получил доселе только вопросные пункты касательно Наваринского

дела, как это делается при судебном следствии. На эти вопросные пункты он написал весьма замечательный ответ. Несмотря на это, недавно от него потребовали снова излишних и бесполезных объяснений».

В том же письме Гейден обрисовал и общую политическую ситуацию, сложившуюся после событий в Наварине: «Положение Греции весьма критическое... друзья Порты и представители некоторых европейских держав уже воспользовались скандальными дебатами в парламенте, чтобы дать им тысячу толкований и распустить повсюду слухи о том, что якобы договор от 6 июля [25][Имеется в виду Лондонский договор от 24 июня 1827 г.] будет вскоре аннулирован или по крайней мере изменен в выгодную для Турции сторону».

Всю ответственность и «вину» за события у Наварина английское руководство свалило на Кодрингтона и уволило его с флотской службы. По этому поводу Кодрингтон написал в своей книге: «Первой сошла с общего пути Англия, когда король ее в своей речи назвал Наваринскую битву «неожиданностью». В письме Гейдену от 18 ноября 1828 года он отметил одну из причин такой перемены в поведении английской стороны: «Не забывайте, что Россия — пугало, которое тревожит значительную часть французов и англичан, которые боятся, как бы ваш добрый император не поглотил всю Турцию живьем с костями и мясом. Подозреваю, что здесь именно ключ к разгадке, почему наше правительство согласилось на занятие Морей такою значительною французскою армиею».

Гейден выразил свое огорчение и возмущение по поводу увольнения английского адмирала в письме к нему, написанном 19 июня 1828 года. Вместе с письмом Кодрингтон получил подарок — саблю, изготовленную одним сибирским мастером в честь наваринской «виктории». Вероятно, в ответ на это внимание 6 августа Гейдену пришло письмо от матери Кодрингтона, написанное на острове Мальта: «Дорогой граф Гейден. Я хотела бы дать Вам, всем Вашим и в особенности Вашему Августейшему Государю понятие о той благодарности, которая пробудилась у одинаково преданной жены и матери в отношении моего адмирала и нашего дорогого сына. Но это совершенно невозможно. И все-таки я не могу перенести близкого

отъезда из этой части света без того, чтобы не попытаться высказать Вам, какие благодарные чувства возбудил во мне этот поступок. То, что один из союзных государей, одинаково с другими заинтересованный в результате, наградил главнокомандующего в Наваринском бою, — это мне кажется вполне естественным и последовательным, но кто может вполне оценить, как оно того заслуживает, то прекрасное письмо, которое сопровождало государеву наградную грамоту, полное самых деликатных и утонченных, а потому и самых сильных и приятных похвал. Я думаю, что никто не может лучше оценить его, как сыновья, дочери и жена адмирала. Что касается моего сына, как могу описать я мои чувства, когда увидела его в первый раз после выздоровления, награжденного государевым орденом».

Несомненно, чувства эти усиливались от явного различия в отношении к Кодрингтону в Англии и России. Целых два года он был отстранен от службы и только в 1830 году по восшествии на престол короля Вильгельма IV вновь вернулся на флот. Любопытно здесь то, что новый король до своего воцарения был принцем Кларенским, занимавшим пост первого лорда английского Адмиралтейства. Именно он в инструкции, полученной Кодрингтоном перед событиями у Наварина, уполномочил последнего на самые решительные действия.

Во Франции кабинет министров, возглавлявшийся тогда Виллелем, выразил удовлетворение результатом Наваринского сражения. Общественное мнение страны в основном поддерживало греков. Но позиция французского кабинета, очевидно, не была твердой. Русский посол в Париже К.О. Поццо-ди-Борго писал в Петербург 27 октября 1827 года: «Боясь, что Россия пойдет дальше [26][Имеется в виду более жесткое давление России на Турцию.], чем они того хотят, лондонский и парижский кабинеты будут сближаться во всем, что может способствовать ее сдерживанию». Во все века у наших союзников одна «забота» — возможное усиление России и ее позиций. В письме на имя Нессельроде от 4 ноября того же года русский посол в Англии Ливен высказал свои сомнения в искренности позиции французского кабинета, основывающиеся на недоброжелательности кабинета по отношению к грекам.

В том же письме Ливен затрагивает и позицию Австрии, которая пыталась сыграть роль посредника в конфликте в Морее, но безуспешно. Сообщение о победе при Наварине вызвало у австрийского двора крайнюю досаду и раздражение. Посол в Вене Д.П. Татищев в депеше от 28 октября 1827 года сообщал Нессельроде, что новость о сражении «произвела самое тягостное впечатление на Франца I». Австрийский император назвал Кодрингтона, де Риньи и Гейдена убийцами.

Турция, естественно, очень болезненно отреагировала на поражение. Поначалу она упорно стала добиваться от союзников возмещения за убытки, понесенные при разгроме флота. Однако очень быстро, уже 29 октября 1827 года, она получила ноту трех держав, в которой эти требования были решительно отвергнуты: «убытки Порте за потерю флота в Наваринском сражении возмещены не будут, ибо агрессия исходила от османской эскадры».

И. К. Айвазовский. Башни на скале у Босфора

И.К. Айвазовский. Вид Леандровой башни в Константинополе

В то же время великий визирь Оттоманской Порты Селим-паша направил письмо австрийскому канцлеру Меттерниху, в котором выражалось согласие принять «добрые услуги» Австрии в урегулировании ситуации в Греции. Однако союзные державы не нуждались в посредниках и действовали самостоятельно. 10 ноября 1827 года дипломатические представители России, Великобритании и Франции в Турции провели конференцию, на которой решили «предпринять еще одну попытку переговоров посредством прямой встречи с реис-эфенди». В протоколе отмечались условия для их дальнейшего пребывания в Константинополе: 1) обязательное восстановление Портой отношений с дипломатическими представительствами союзных держав; 2) прекращение военных действий; 3) предоставление грекам прав, гарантированных Лондонским договором.

Через два дня состоялась встреча дипломатических представителей трех союзных государств в Константинополе с реис-эфенди. На ней Турции снова предложили согласиться на установление перемирия между нею и Грецией и на посредничество союзников. Порта наотрез отказалась принять эти предложения. После этого отказа Рибопьер, Каннинг и Гийемино объявили о своем отъезде из Константинополя. В протоколе их совместной конференции от 15 ноября 1827 года они заявили: «Ввиду упорного отказа Оттоманской Порты принять предложения трех союзных держав их представители решили объявить реис-эфенди о невозможности своего дальнейшего пребывания в Константинополе и запросить паспорта для выезда». Порта всячески стремилась воспрепятствовать этому. 28 ноября Каннинг и Гийемино отбыли из Константинополя, после них — 10 декабря — Рибопьер. В своей последней депеше Нессельроде от 4 декабря он сообщал, что его положение стало «более нетерпимым» ввиду мер, предпринимаемых Портой против российских судов и подданных, и невозможности им помочь. Российским, английским и французским подданным в Турции было объявлено, что лица, неугодные Порте, будут высланы из столицы. Вскоре после отбытия представителей союзных держав турецкие власти предприняли репрессивные меры в отношении христиан, сначала православных, а затем и католиков. Консулы трех держав, оставшиеся на территории Османской империи, спустили

флаги на своих зданиях и передали незавершенные дела голландскому генеральному консулу в Константинополе.

«Перечень» мер против союзников есть в ряде документов того времени. В письме русского посла в Лондоне Ливена на имя госсекретаря Великобритании Дадли от 11 февраля 1828 года говорится: «Оттоманская Порта приняла в отношении союзных держав и особенно России жесткие меры (несколько сот британских, французских и русских подданных были вынуждены покинуть Константинополь; для торговых судов трех держав и ряда других стран закрыт проход через Босфор; нарушаются все постановления Аккерманских соглашений; мусульман призывают готовиться к войне)».

Специальным указом Порта объявила Россию вечным и непримиримым врагом Турции и всех мусульман. Был обнародован также указ о всеобщем ополчении за веру и отечество. Столица была перенесена в Адрианополь, султан встал во главе войска. 14 апреля 1828 года вышел манифест о войне с Турцией. При этом Николай I заявил, что вопреки мнению султана он не собирается разрушать Османскую империю, а только намерен добиться исполнения Турцией ранее подписанных договоров и Лондонского соглашения по урегулированию греческого вопроса. Кроме того, русский император в любой момент готов к мирным переговорам. Русским войскам в Бессарабии был отдан приказ о вступлении на турецкую территорию.

ЭПИЛОГ. ЕЛЕУЭЕРІА!

Еще до объявления войны, 21 марта 1828 года, вице-адмирал Гейден получил депешу министерства иностранных дел, в которой ставились задачи его эскадре ввиду неизбежности начала военных действий между Россией и Турцией. В ней, в частности, говорилось:

«Коль скоро война будет объявлена Россиею, то вам, граф, предстоит исполнение обязанностей двоякого рода.

Первая — в качестве главного начальника морских сил России в Архипелаге.

Вторая — как главе этих самых сил, назначенных содействовать сообща с силами Англии и Франции достижению общей цели.

Как главе морских сил, действующему с полной независимостью, вам повелевается:

1) привести в действие все права войны против оттоманских флотов, собственности и владений;

2) нападать в силу этих самых прав на морские силы Турции, на египетские корабли, которые подошли бы к островам или континенту Греции или пытались бы нападать на крепости, находящиеся в руках греков, или оказывать помощь крепостям, занимаемым турками;

3) отражать всякий корабль, старающийся пристать к островам или к берегам Греции, блокада которой будет вверена или императорской эскадре, или одному из ее кораблей; блокада будет существовать фактически».

В инструкции от 18 апреля делались несколько иные акценты: главной задачей Гейдену ставили выполнение положений Лондонского договора, а самостоятельные боевые действия против турок отходили на второй план. Кроме того, русской эскадре советовали выбрать вместо Мальты новый порт базирования. Гейден избрал остров Порос, находящийся вблизи восточного берега Мореи.

Блокада Мореи осуществлялась русскими кораблями совместно с эскадрами Кодрингтона и де Риньи. В Морее был высажен французский сухопутный десант. В результате к концу сентября 1828 года полуостров был полностью очищен от турок.

И.К. Айвазовский. Морской пролив с маяком

Слава России. Народная картинка. Гравюра

Для усиления эскадры Гейдена в июне того же года в Средиземное море отправилась новая эскадра в составе 4 кораблей, 4 фрегатов и 3 бригадов под командованием контр-адмирала Рикорда. Задачей нового отряда кораблей была блокада Дарданелл. В конце сентября на Мальте состоялась встреча Гейдена с Рикордом, а 11 октября последний с кораблями «Фершампенуаз» и «Эммануил», фрегатами «Мария» и «Ольга» отплыл к Дарданеллам. Цель блокады определялась в депеше Нессельроде к Гейдену от 14 августа 1828 года: «Когда вы соединитесь с контр-адмиралом Рикордом, но никак не ранее, и будут выбраны корабли, которые вы назначите для означенного предприятия... вы объявите, граф... вашим сотоварищам, что имеете приказание поставить и объявить Дарданеллы, равно как и Константинополь, в положение блокады; что вы поставите по этому предмету перед Дарданеллами дивизию из стольких кораблей и под командой такого-

то офицера; что дивизия адмирала Мессера блокирует со своей стороны Босфор и что император считает эту меру неизбежной, чтобы одолеть прискорбное упрямство султана и заставить его заключить мир посредством изнурения голодом Константинополя».

Блокада началась в осенне-зимний период, который в тот год оказался очень суровым, с сильными ветрами, проливными дождями и крепкими морозами с метелями. В рапорте Гейдену от 23 марта 1829 года Рикорд отмечал: «Не имея для убежища ни одной поблизости дружеской гавани, отряд должен был для выполнения возложенной на меня обязанности держаться, смотря по обстоятельствам, то под парусами, то отстаиваться на якорях на открытом месте против неприятельской крепости у острова Тенедос. Наступившие вместе с суровой зимой бури были столь ужасны, что сначала казалось невозможным в такое время года продолжать блокаду без явной для кораблей гибели, но все угрожавшие нам опасности благополучно теперь миновались... По самым достоверным секретно мною полученным сведениям из Константинополя... ни одно судно со дня открытия блокады с хлебом или какой-либо провизией в Константинополь не проходило, и теперь от строго выдержанной нами блокады, как известно, в Константинополе существует большая в хлебе крайность и значительный класс людей терпит даже настоящий голод».

Десятимесячная блокада Дарданелл не только вызвала голод в Константинополе, но и не позволяла туркам доставлять морем из Египта и Малой Азии подкрепления для своей армии, сражавшейся в это время с русскими войсками.

Вице-адмирал Гейден принимал, как ему предписывалось, деятельное участие в организации греческих органов власти на местах, как того требовал Лондонский договор. После взятия нашими войсками Адрианополя его эскадра направилась к Дарданеллам, где 25 августа у города Энос встретила с русской армией.

Вступление русских войск в Турцию произошло в разгар празднования одного из главных мусульманских праздников — байрама. Вооруженные силы Порты насчитывали 190 тысяч человек, из которых лишь 80 тысяч составляли регулярное войско. Русская

армия состояла из трех пехотных и одного кавалерийского корпуса общей численностью 100 тысяч бойцов. Командовал ею генерал-фельдмаршал граф П.Х. Витгенштейн. Его задача состояла в том, чтобы, переправившись через Дунай, идти на Варну и Шумлу, перейти Балканы и наступать на турецкую столицу. Варну взяли, а осаду Шумлы пришлось снять и переправиться обратно через Дунай. Недовольный Николай I сместил Витгенштейна с поста главнокомандующего и назначил на его место 43-летнего барона И.И. Дибича, генерал-адъютанта. Тот действовал более успешно. 30 мая 1829 года под деревней Кулевчи русские разбили 40-тысячное войско Решид-Мехмед-паши, 18 июня взяли осадой крепость Силистрию. После перехода в июле Балканского хребта войска Дибича овладели турецкими городами Бургасом, Айдосом и Карнобатом. 31 июля под городом Сливно был разбит 20-тысячный турецкий корпус, а 7 августа русская армия без боя вошла во вторую турецкую столицу. 26 августа был занят город Энос, после чего Дибич намеревался двинуться на Константинополь.

В планы союзников не входило уничтожение Османской империи. 29 августа Дибич получил письма французского и английского послов в Турции. Они обрисовали ситуацию и последствия возможного захвата русскими войсками Константинополя: Порта перестает существовать, в стране начинается хаос и произвол, вызванный безвластием, с самым худшим исходом для жителей империи. По существу, в этих письмах содержалась просьба турок о пощаде. «Письмо это, — писал адъютант Дибича А.И. Михайловский-Даниловский, — ...исполнило нас неописанною радостью. Главнокомандующий столь был поражен словами, что в случае движения его существование Турции прекратится, что у него из глаз лились ручьи слез». Следует отметить, что, несмотря на успехи, положение русской армии ухудшалось день ото дня: людей косили болезни. В период ведения мирных переговоров в Адрианополе у Дибича было только 12 200 человек пехоты, 4500 — кавалерии, 100 орудий.

2 сентября 1829 года в Адрианополе был подписан мирный договор. По его условиям устье Дуная с островами переходило к России, Сербия, Молдавия и Валахия получили автономию, Дарданеллы и

Босфор стали открытыми для прохода торговых судов всех стран. Греция тем не менее признавалась вассальным государством.

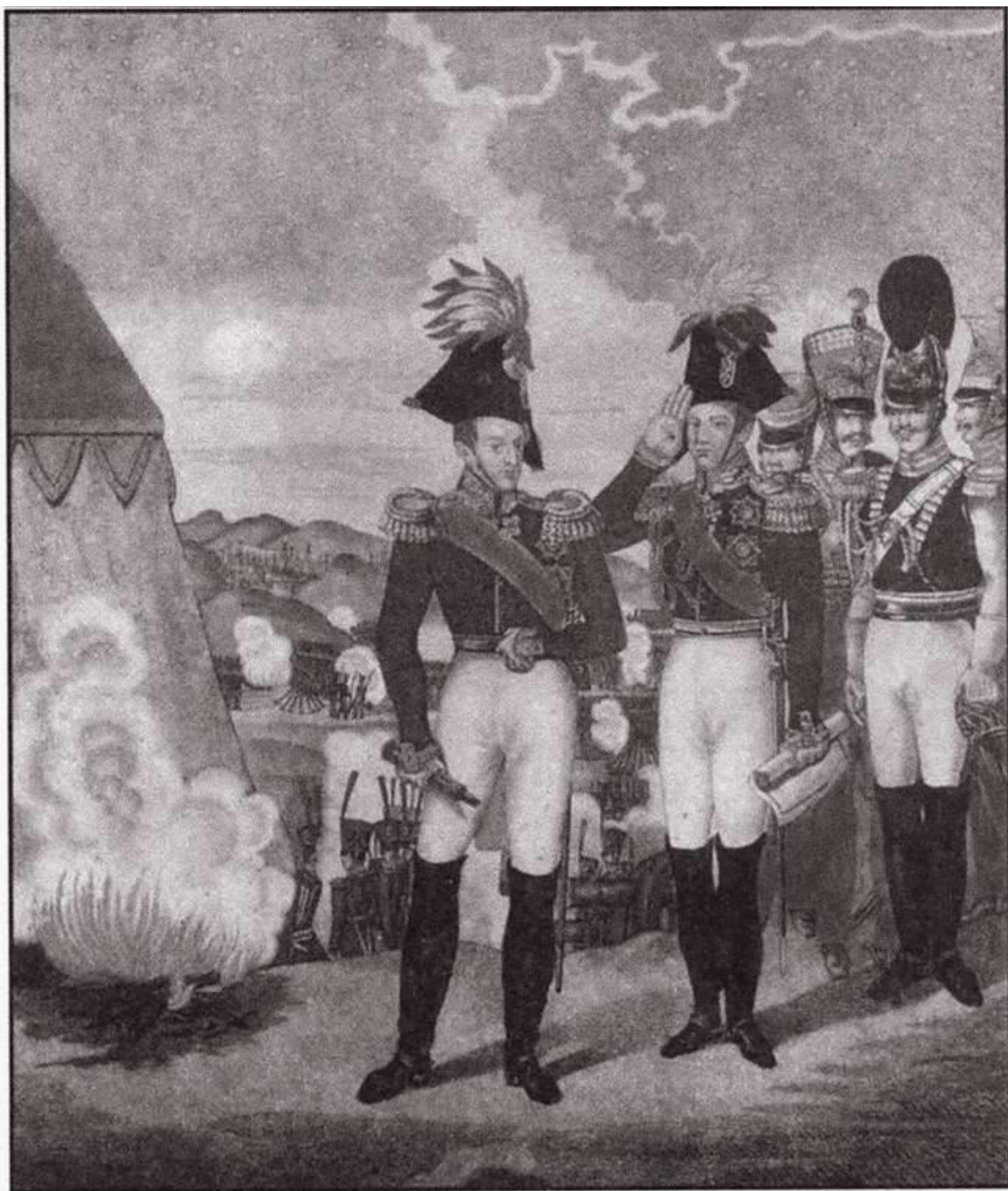
По условиям Адрианопольского мирного договора Турция обязана была уплатить 10 миллионов голландских дукатов за издержки русских в войне. Австрийский дипломат Ф. Гентц писал по поводу этого договора: «В сравнении с тем, что могли требовать русские и требовать безнаказанно, они требовали мало. Я не говорю, чтобы у них достало силы разрушить Турецкое царство в Европе, не подвергаясь европейскому противодействию. Но они могли потребовать уступки княжеств и Болгарии до Балкан, половины Армении и вместо десяти миллионов червонцев — пятьдесят, причем ни Порты не имела бы власти, ни кто-либо из добрых друзей ее серьезного намерения этому воспрепятствовать».

9 февраля 1830 года Николай I принимал чрезвычайного посла турецкого султана Галиль-пашу, прибывшего в Петербург с просьбой о смягчении условий Адрианопольского мира. Помимо прочего государь сказал любопытные слова: «Пусть же султан убедится, что его друзья находятся в Петербурге, а не где-либо в другом месте, и что один из этих друзей и самый верный — это я. Он может рассчитывать на меня. Я хочу, чтобы Оттоманская империя была сильна и спокойна».

В результате переговоров с Галиль-пашой Николай I согласился уменьшить сумму контрибуции на два миллиона, а остальные восемь миллионов разрешил выплачивать ежегодными взносами по одному миллиону. Кроме того, император обещал сократить контрибуцию еще на один миллион, если Турция признает полную независимость Греции.

Генерал-фельдмаршал П.Х. Витгенштейн

Николай I на биваке у Шумалы 8 июля 1828 года. Народная картинка. Гравюра

Генерал от инфантерии И.И. Дибич

Император Николай I, турецкий султан Абдул-Меджит, английская королева Виктория, король Франции Луи-Наполеон. Народная картинка. Гравюра

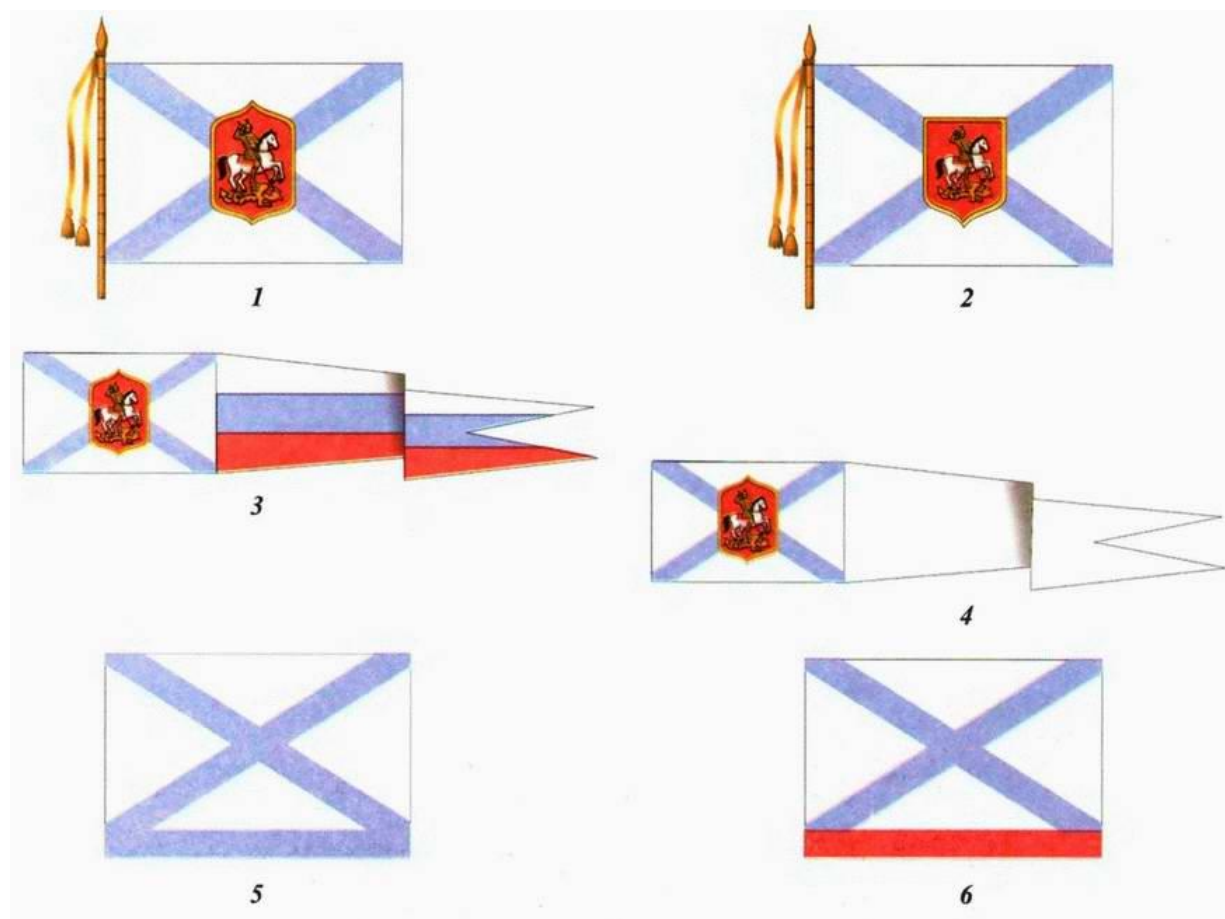
Вскоре после окончания русско-турецкой войны Россия, Англия и Франция заключили договор о содержании в Средиземном море своих флотов для восстановления мира и порядка в Греции. Наш флот от Дарданелл перешел к берегам Морей. Его базами стали Порос и Наполи-ди-Романья. 22 января 1830 года Лондонская конференция признала Грецию независимым государством. Летом того же года Гейден с двумя судами отбыл в Россию, Рикорд же принял от него командование эскадрой и оставался в Архипелаге до 1833 года.

Таким образом, Наваринское морское сражение сыграло немаловажную роль в изменении политической ситуации в евро-малоазиатском регионе. Греция стала свободной, позиции России усилились, Османская империя потеряла большой кусок своей территории. В каждом из этих результатов есть вклад русского флота. Уничтожение значительной части Оттоманского флота в

Наваринской битве (после нее у турок осталось 6 линейных кораблей, 4 фрегата и 10 небольших судов) позволило провести блокаду Мореи и Дарданелл, изгнать турецкие войска из первой и перерезать пути снабжения турецкой столицы через пролив, что сделало турок более сговорчивыми. К тому же блокада Дарданелл не позволяла посылать морем турецкие войска в Грецию. Все это способствовало осуществлению главной цели — освобождению Греции от османского ига.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Корабельные флаги и вымпелы русского флота

Первая крупная победа Российского военно-морского флота была одержана 24 мая 1719 года в бою со шведскими кораблями у острова Эзель (Сааремаа). Эскадра в составе шести линейных кораблей и одной шнявы под командой Н.А. Сенявина разбила группу шведских боевых судов, состоявшую из линейного корабля, фрегата и бригантины. Через 100 лет в ознаменование векового юбилея этого важного события 8 июня 1819 года был учрежден Георгиевский кормовой флаг (1) как высшая военная награда судам, экипажи которых проявили исключительную отвагу и мужество в боях с врагом, и за выдающиеся подвиги при защите чести военно-морского флага.

Кроме того, были учреждены Георгиевский адмиральский флаг (2), аналогичный Георгиевскому кормовому, и Георгиевские вымпелы: для отличившихся кораблей (3) (его получили только «Азов» в 1828

году и бриг «Меркурий» в 1829-м) и для кораблей, комплектовавшихся из военнослужащих Гвардейского экипажа (4).

С вручением Георгиевского кормового флага кораблю его экипаж становился гвардейским, матросы получали на бескозырку ленту, состоявшую из пяти полос черно-оранжевого цвета, символизировавших порох и пламя. Первым кораблем российского флота, которому был пожалован Георгиевский флаг, стал корабль «Азов» под командованием капитана 1-го ранга М.П. Лазарева за блестящие действия во время Наваринского сражения с турецко-египетским флотом 8 октября 1827 года.

С 1797 года, согласно Уставу военного флота, эскадры русского флота стали называться дивизиями. Кормовые флаги трех дивизий — 1,2 и 3-й — различались цветами: первая дивизия носила белый флаг с гюйсом в крыже, вторая — синий (флаг авангарда), третья — красный (флаг арьергарда); корабли эскадр различались по цвету вымпелов: первая имела белый вымпел, вторая — синий, третья — красный. Вымпелы поднимали на грот-стенгах. По цвету флага дивизии назывались дивизиями белого, синего и красного флагов.

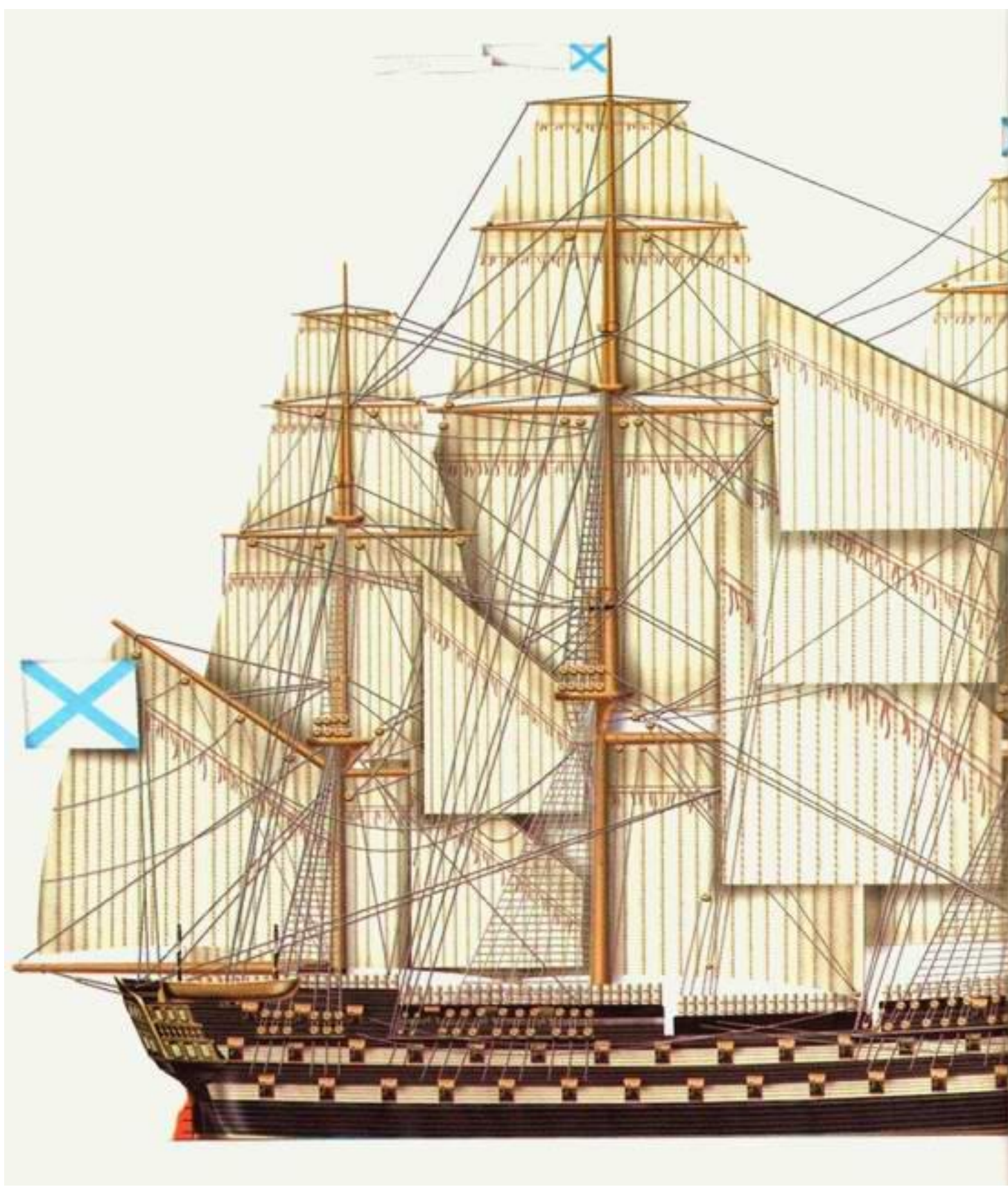
В 1810 году в российском флоте были упразднены существовавшие до того времени шлюпочные адмиральские флаги и введены новые флаги для адмиралов. Флагом адмирала стал Андреевский флаг, вице-адмирала — Андреевский флаг с синей полосой вдоль нижней кромки полотнища (5), контр-адмирала — Андреевский флаг с красной полосой (6). В таком виде эти флаги просуществовали до 1917 года.

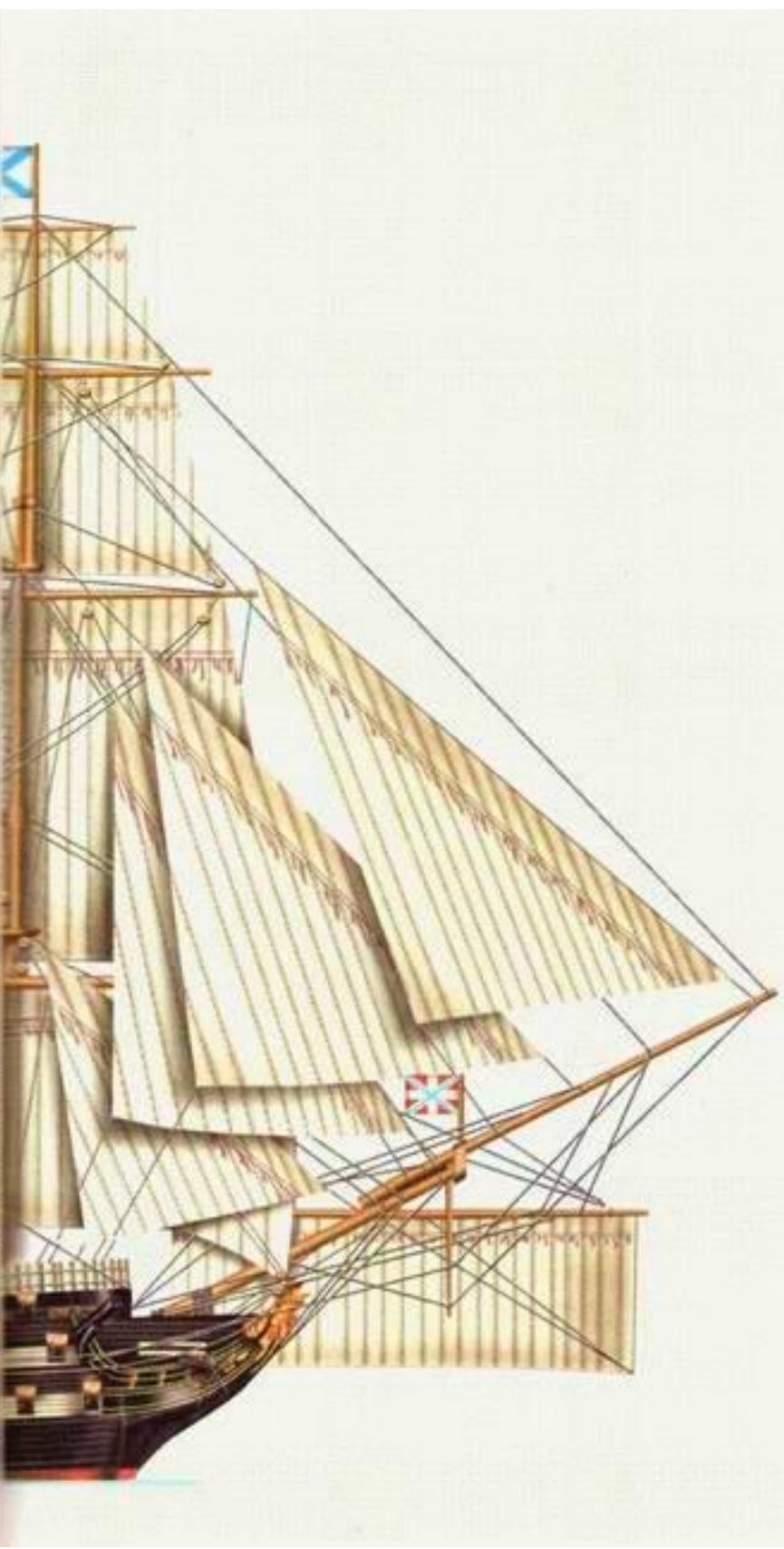
Линейный корабль «Азов»

Флагманский корабль русской эскадры в Наваринском сражении «Азов» был заложен 20 октября 1825 года на Соломбальской верфи в Архангельске. Тогда же началась постройка и однотипного с ним линейного корабля «Иезекииль». Каждый из этих кораблей имел длину 52,4 м, ширину 14,4 м, глубину трюма 5,8 м. Оба имели 74-пушечный ранг. Постройкой обоих судов руководил известный русский кораблестроитель А.М. Курочкин, помогали ему мастера В.А. Ершов и Ф.Г. Загуляев. Строительство велось под наблюдением капитана 1-го ранга М.П. Лазарева. К тому времени он уже был известным мореплавателем: совершил три кругосветных похода, в 1819 — 1821 годах на шлюпе «Мирный» участвовал в экспедиции, открывшей Антарктиду. Незадолго до окончания постройки корабля Лазарев предложил Адмиралтейств-коллегий сделать ряд новшеств на «Азове»; в основном они относились к внутренней обшивке. Предложения были приняты. По образцу «Азова» была усовершенствована в декабре 1826 года и внутренняя обшивка линейных кораблей «Гангут» и «Александр Невский».

28 мая 1826 года «Азов» и «Иезекииль» сошли на воду, а спустя неделю направились в Кронштадт. Весной следующего года подводная часть корпусов этих кораблей была обшита медью, усилена артиллерия. Следует отметить, что точно неизвестно, какой набор артиллерийских орудий был на вооружении этих кораблей. На нижней палубе стояли 36-фунтовые пушки числом 24 — 28, на верхней — орудия 24-фунтового калибра, пушки (24 — 28 единиц) и карронады (6 единиц), а также 16 8-фунтовых пушек. Карронады устанавливались на шкафуте (части верхней палубы от фок-мачты до грот-мачты), 8-фунтовые орудия — на квартердеке (кормовом участке верхней палубы) и баке.

М.П. Лазарев сумел собрать отличный офицерский состав корабля, в который вошли будущие знаменитые адмиралы: лейтенант П.С. Нахимов, мичман В.А. Корнилов, гардемарин В.И. Истомин.

После Наваринского боя «Азов» и «Иезекииль» ремонтировались на Мальте, а позже участвовали в блокаде Морей и других операциях. 12 мая

1830 года, после почти трехлетнего плавания, «Азов» и «Иезекииль» прибыли в Кронштадт, где в октябре их поставили в сухие доки для осмотра. Серьезные повреждения, полученные «Азовом» при Наварине, укоротили его «жизнь». 28 июня

1831 года корабль был «приговорен» к разборке. «Иезекииль» оставался в строю гораздо больше — он был разобран в декабре 1849 года.

Корабельные орудия

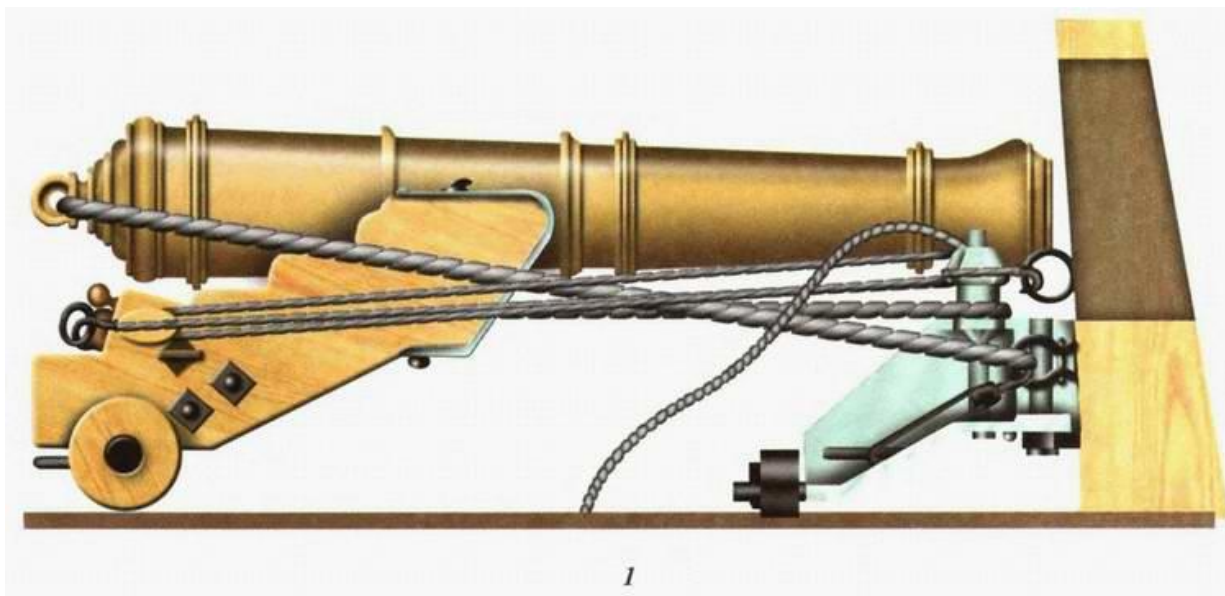
Артиллерийское вооружение русских военных судов в первой половине XIX века регламентировалось введенным 9 мая 1805 года положением. Его особенностью было исключение из набора корабельных орудий единорогов. Правда, в 1826 году они были возвращены на корабли. Построенные в 1826 — 1832 годах для Балтийского и Черноморских флотов корабли имели примерно одинаковое вооружение. На нижнем деке все корабли несли 36-фунтовые пушки: 110-пушечные — по 24 — 30, 84-пушечный — 28, 74-пушечные — по 24 — 28. На нижнем деке помимо того могли устанавливаться по 4 48-фунтовых единорога.

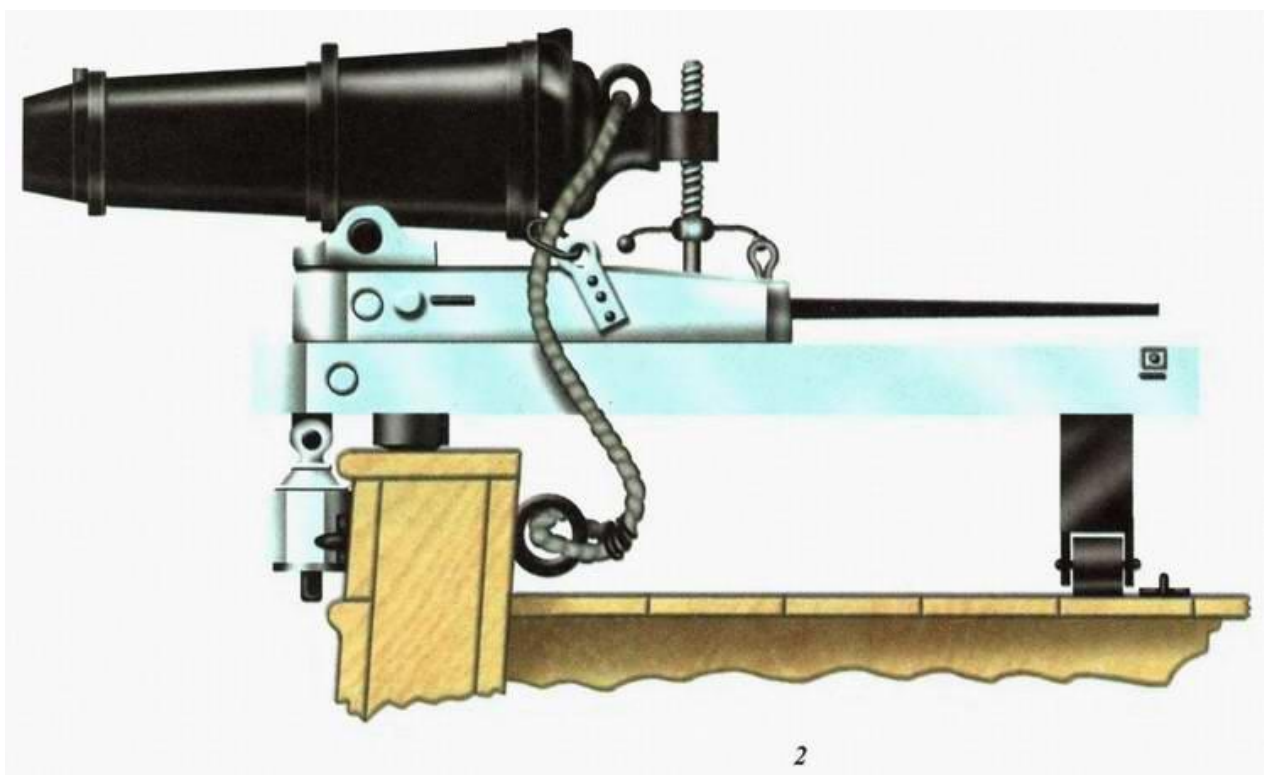
На верхнем деке 84- и 74-пушечные корабли несли 24-фунтовые пушки: первые — по 32, вторые — по 30 единиц. Разумеется, бывали и отклонения от этих «стандартов». На открытых батареях всех кораблей стояли 24-фунтовые карронады: у 110-пушечных — по 4, 84-пушечных — по 6, у 74-пушечных — по 6 орудий. На некоторых 74-пушечных кораблях карронады устанавливались на шкафуте, а на шканцах и баке — 16 12- или 8-фунтовых пушек.

Упомянутое выше положение об артиллерийском вооружении от 9 мая 1805 года требовало, чтобы на фрегатах отныне стояли только 24-фунтовые пушки, 6- и 8-фунтовые карронады, 8-фунтовые мортиры и 3-фунтовые фальконеты. На 44-пушечных фрегатах число таких

орудий соответственно составляло 28, 2, 16, 2 и 2; на 36-пушечных — 26, 2, 10, 2 и 2; на 24-пушечных — 18, 2, 6, 2 и 2. В период царствования Николая I вооружение фрегатов существенно изменилось. В 1826 году на этих судах снова стали устанавливать единороги, отмененные в 1805 году, а с 1826 года мелкокалиберные орудия стали вытесняться 24-фунтовыми карронадами.

Карронада представляла собой короткую чугунную пушку, или гаубицу, с легким стволом (длина канала составляла 7 калибров), с небольшим пороховым зарядом, стрелявшую ядрами на сравнительно небольшие расстояния. Это орудие впервые появилось в Англии в 1774 году. В отличие от других орудий карронада не имела цапф — их заменяла проушина, в которую вкладывали толстый болт или штырь, служивший вместо цапф для крепления орудия на лафете. Благодаря небольшому весу карронады можно было устанавливать в значительном количестве по бортам кораблей. Они были чрезвычайно эффективны при стрельбе по деревянным корпусам парусников. На вооружение российского флота карронады стали поступать в конце XVIII века, а в начале XIX века появились и в береговой артиллерии.

На боевых кораблях XVIII и XIX веков применялись три основные системы установок орудий: 1) станки на колесах; 2) станки на поворотных платформах; 3) станки без колес и без платформ. Промежуточный вариант представлял двухколесный станок с отдельным поворотным передком системы Маршала (I). Поворачивавшийся передок ствола орудия позволял увеличить угол обстрела. Такие установки чаще использовались на закрытых батарейных палубах кораблей.

Станки на платформах появились в конце XVIII века. Они применялись для увеличения угла обстрела орудий, устанавливаемых на открытых батареях, и для коротких орудий вроде карронады (2). В XIX веке станки на платформах получили большое распространение.

Навигационные приборы парусного флота

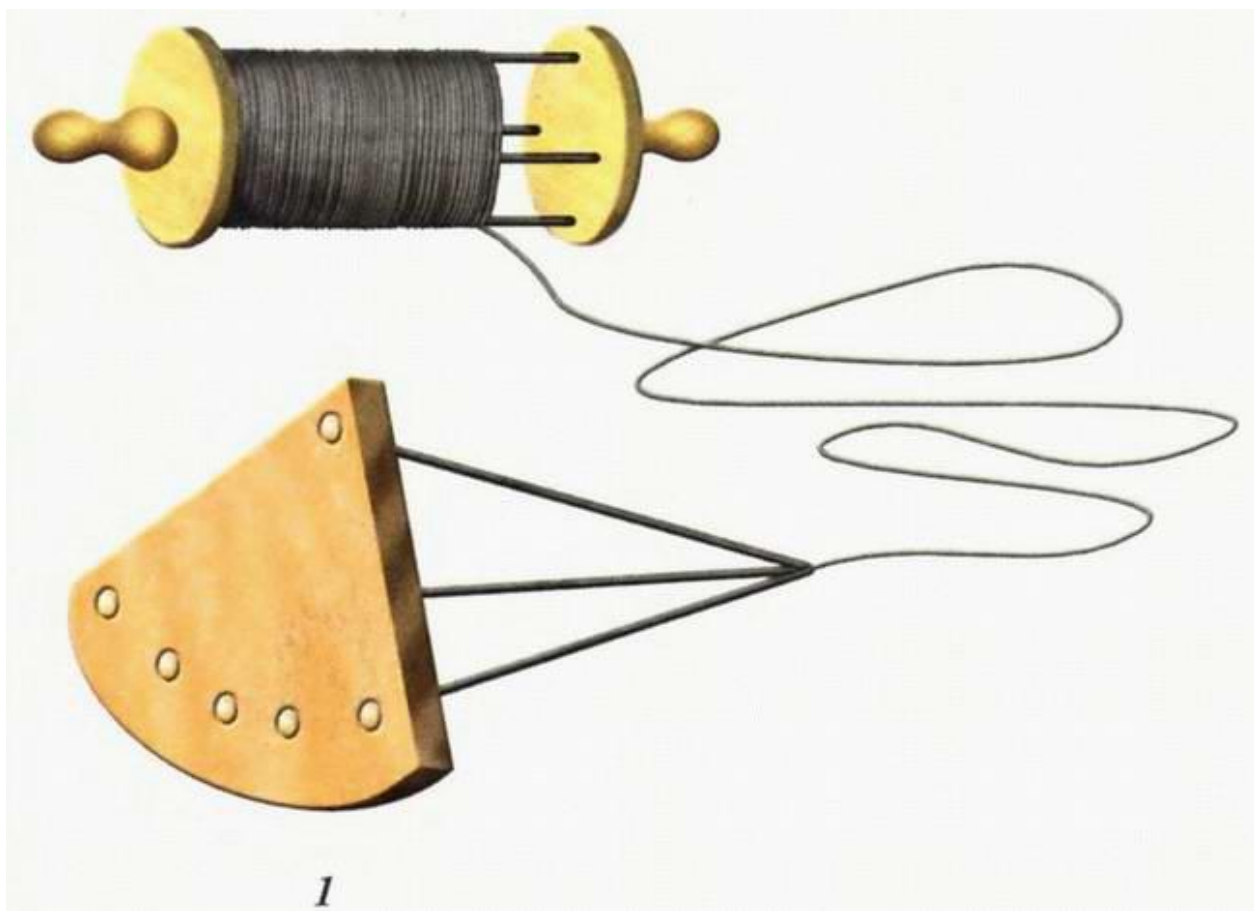
Находящийся в открытом море, вне видимости берегов, корабль должен «знать», где он находится, куда и как быстро плывет, сколько футов под килем и каково его расположение относительно земных и небесных тел. Первое, что интересуется мореплавателя, это курс его

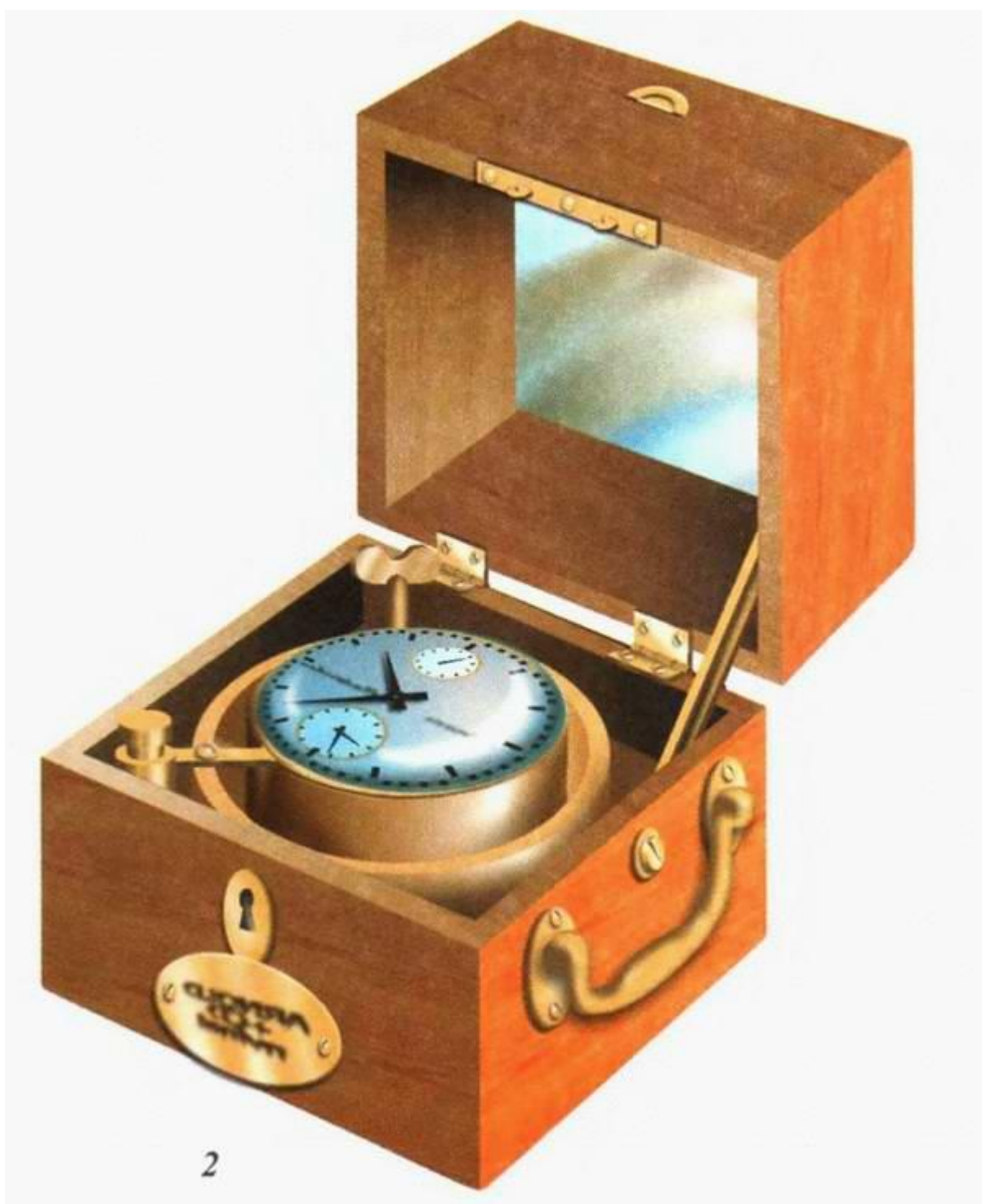
судна. Курс определяется по всем известному прибору — компасу. Он был изобретен китайцами примерно за тысячу лет до нашей эры, и только два тысячелетия спустя о нем узнали в Европе. А до этого основными средствами для определения курса и навигационными ориентирами были Солнце и Полярная звезда. Тем не менее мореходы Ближнего Востока совершали весьма протяженные плавания. Так, примерно в 610 году до н. э. они обогнули Африку. Уже в XVI веке все морские суда плавали с компасами.

Долгое время компас был весьма примитивным прибором. В 1269 году Петр Перегрин усовершенствовал компас, поместив магнитную стрелку на вертикальной шпильке и разделив азимутальный круг на четыре части, разбитые на 90 градусов каждая. Через полтора века с помощью карданова подвеса удалось нейтрализовать влияние морской качки на компас. Позже португальцы предложили делить картушку (диск) компаса на 32 румба, которые есть на компасах и в наши дни. Современную конструкцию морской компас получил в XIX веке.

Важной проблемой для моряков всегда было измерение пройденного и предстоящего пути. С XVI века это стали делать с помощью простого устройства — лага. Он состоял из поплавка в виде дубовой дощечки в форме сектора (четверти круга), сбрасываемой с кормы в воду на тросе (лаглине). На дуге сектора была укреплена свинцовая пластинка, чтобы дощечка могла погружаться в воду на $\frac{2}{3}$ своего радиуса и принимать вертикальное положение (1). На лаглине завязывали 25 — 30 узлов с интервалами между ними в 50 футов: в конце первого интервала — один узел, второго — два, и т.д. до семи узлов. Каждый интервал делили метками на четыре части. Лаглинь наматывали на насаженную на оси и свободно вращающуюся катушку. Интервал в 50 футов соответствовал $\frac{1}{120}$ мили, а время в 30 секунд составляло $\frac{1}{120}$ часа. Если корабль проходил за полминуты один интервал, то за один час — одну милю. В этом случае говорили, что скорость хода корабля равна одному узлу (1852 метров в час). Лаглинь бросали в море и отсчитывали число его узлов, сошедших с катушки за 30 секунд. Это и была скорость судна в узлах. Ручной лаг применялся в мореплавании около 200 лет.

В 1772 году англичанин В. Фоксон запатентовал механический лаг с вертушкой. Ее вращение с помощью лаглиня передавалось счетчику, установленному на корме. Счетчик имел два циферблата: один показывал пройденный путь, другой — скорость.

Глубину воды с судна измеряют лотом. Ручной лот состоял из лотлиня с метками по длине и груза на конце. Такое устройство позволяло измерять глубины при скорости, не превышающей пяти узлов, и не более 200 м. Для измерения больших глубин в XIX веке не существовало надежных устройств. Описанные приборы давали значительные погрешности при измерениях, поэтому требовались более надежные методы определения географических координат судна. Вдали от берегов с давних времен мореходы ориентировались по небесным светилам. Ночью обычно ориентировались по звездам, днем — по Солнцу. По его положению определяли стороны света, а гораздо позже — широту места. Для определения высоты небесных тел до XVIII века использовали астролябию, а затем сектан (2) — зеркальный оптический прибор для измерения угловых расстояний между небесными светилами. Сектан изобрели в 1731 году английский механик и астроном Джон Гадлей, а в 1732-м — американец Томас Годфрей. Этот прибор применяется в мореплавании по сей день.

Второй географической координатой является долгота места, где находится судно. Ее определение оказалось непростой задачей, которая была решена окончательно в 1735 году, когда англичанин Д. Гаррисон изобрел пружинный хронометр — прибор, показывавший точное гринвичское время на судне при длительном плавании в любой точке Мирового океана. Долгота места судна определялась как разность между местным и гринвичским временем.

Таким образом, в XIX веке мореплаватели с помощью секстана и хронометра (3) весьма точно могли определять широту и долготу местонахождения судна.

Морской костюм первой трети XIX века

Русский морской мундир, как и армейская одежда, часто претерпевал значительные изменения, особенно в начале царствования каждого монарха. Павел I ввел флотский мундир темно-зеленого цвета с белым воротником, камзолом и штанами для офицеров и знаки различия в виде нарукавных нашивок. Александр I добавил к нему стоячий белый воротник. Полы заворачивались, появилась белая выпушка вокруг пол и обшлагов. Камзол имел зеленый цвет, штаны — белый. В 1803 году для офицеров и адмиралов установлено было шитье на воротнике и рукавах. Все чины получили серые шинели. Через четыре года офицеры и адмиралы стали носить эполеты. 16 февраля 1810 года для чинов корабельных экипажей ввели погоны и эполеты с вышитыми номерами экипажей: в корабельных экипажах — темно-зеленые, гребных — светло-зеленые, в гвардейском экипаже — красные.

Император Николай I, много сделавший для военного флота, уже 30 декабря 1825 года утвердил положение о введении однобортных темно-зеленых мундиров для офицеров и адмиралов. При этом сюртуки и вицмундиры остались двубортными, с 9 пуговицами на борту. На эполетах обер- и штаб-офицеров стали вышивать номера экипажей. Эти чины имели флотский мундир с белым прибором, а

эполеты — с белым сукном. В караулах, на парадах и в праздничные дни нижние чины, обер- и штаб-офицеры, флотские и морские артиллеристы должны были носить кивера (2 — унтер-офицер).

В прочие дни головным убором служила черная треугольная шляпа с кокардой и петлицей (3 — обер-офицер). Матросы с 1802 года носили темно-зеленый мундир со стоячим открытым, а позже глухим воротником и такого же цвета брюки. На обшлага пришивали клапанцы с тремя пуговицами. Черная шляпа была цилиндрической формы. В 1812 году появилась черная с белой выпушкой фуражка без козырька (1). Мундир унтер-офицеров по краю воротника и вокруг обшлагов обшивали галуном. Упомянутые кивера были неудобным для флота головным убором. Высота кивера с султаном или помпоном достигала 70 см, масса — 2 кг. Моряки не любили их носить. Однако, несмотря на это, кивера оставались в гардеробе морских чинов почти 30 лет, и лишь в 1855 году их сменили темно-зеленые фуражки с белой выпушкой, черным лакированным кожаным козырьком и металлической кокардой.

Боевые награды русских моряков

Орден Св. Георгия был официально учрежден 26 ноября 1769 года в царствование Екатерины II. Он присуждался исключительно за военные заслуги, и только офицерам и генералам. Этот орден подразделялся на четыре степени, причем первый раз выдавалась 4-я, низшая, степень, в следующий раз — 3-я, более высокая, затем 2-я, и только за четвертый выдающийся подвиг человек мог получить орден Св. Георгия 1-й степени. За все время существования этой награды орден Св. Георгия 1-й степени получили лишь 25 человек; среди них — Суворов, Кутузов, Румянцев, Потемкин.

Орден 4-й степени представлял собой золотой крест с расширяющимися от центра лучами, покрытыми белой эмалью. В центральном круглом медальоне креста (знака) ордена находилось изображение Святого Георгия на коне, поражающего змея (1). Носили крест в петлице. 3-я степень ордена Св. Георгия была тем же крестом, но носили его на ленте на шее. Орден 2-й степени — такой же крест, но несколько большего размера, и золотая звезда с девизом «За службу и храбрость» (2). 1-я степень — тот же крест, который носили на широкой Георгиевской ленте через правое плечо, и звезда — на груди.

Для солдат и матросов в 1807 году был учрежден особый серебряный Георгиевский крест, имевший одну степень. Его носили на оранжево-черной Георгиевской ленте (3). Им награждали только за боевые подвиги. Награжденные этим крестом получали надбавку к жалованью ($\frac{1}{3}$ от него), сохранявшуюся при выходе в отставку, и ряд других льгот.

22 сентября 1782 года был учрежден орден Св. Владимира. Он также подразделялся на четыре степени, но присуждался как за воинские, так и за гражданские заслуги. Низшая, 4-я степень представляла собой небольшой крестик, покрытый красной эмалью, с золотой и черной каймой. В центральном круглом медальоне на черном эмалевом фоне находилось изображение горностаевой мантии под великокняжеской короной (4). На мантию был наложен вензель «СВ» (Святой Владимир). Носили орден Св. Владимира 4-й степени на узкой ленточке красного цвета с черной каймой, сначала — в петлице, а позднее — на левой стороне груди. Орден 3-й степени — точно такой же крест, но несколько большего размера, — носили на шее. Такой же

крест и на том же месте носили при награждении орденом Св. Владимира 2-й степени, но к нему добавлялась звезда с четырьмя золотыми и четырьмя серебряными лучами (5).

В 1735 году голштейн-готторпский герцог Карл Фридрих учредил в память незадолго до этого умершей жены Анны Петровны, дочери Петра I, орден Св. Анны. В 1742 году Карл Фридрих скончался, и престолом герцогства Голштинского, как его называли в России, завладел его сын Карл Петр Ульрих. Впоследствии он стал русским императором Петром III. С той поры орден Св. Анны стали получать и русские подданные. Официально в систему русских наград он был включен в 1797 году Павлом I. Орден имел три степени. Первая, высшая, степень — красный крест, который носили на широкой ленте через левое плечо (6), и серебряная звезда, которую крепили на правой стороне груди (7), с девизом, в переводе на русский означавшим «Любящим правду, благочестие и верность». Орден Св. Анны 2-й степени состоял только из красного креста, его носили на шее на более узкой ленте. Орден 3-й степени представлял собой пехотную или кавалерийскую шпагу со знаком ордена Св. Анны на ней.

Наградное орденское оружие

В русской армии и Военно-морском флоте помимо орденов высокой наградой для офицеров, генералов и адмиралов являлось холодное оружие. Русские цари издавна жаловали отличившихся ратников оружием. Наградное оружие всегда имело прекрасный клинок, украшалось драгоценными камнями. В регулярном войске, появившемся в начале XVIII века, первым получил наградную золотую шпагу с алмазами князь М.М. Голицын за разгром шведской эскадры при Гренгаме.

До 1788 года наградные шпаги могли получить только генералы, причем это оружие всегда украшалось бриллиантами. Затем этой наградой стали отмечать и офицеров, но их оружие не имело украшений в виде драгоценных камней.

3

4

Вместо этого на эфесе офицерской наградной шпаги или палаша гравировалась надпись «За храбрость» (1).

В документах наградное оружие обычно называлось «Золотым». Из золота (72-й пробы) изготавливался эфес и отдельные детали ножен. Драгоценными украшениями в XVIII — XIX веках всегда были бриллианты, то есть ограненные алмазы. Исключения были очень редки. Михаил Илларионович Кутузов за кампанию 1812 года кроме прочих многочисленных наград был отмечен золотой шпагой с алмазами и лавровыми венками из изумрудов.

28 сентября 1807 года император Александр I подписал указ о причислении офицеров и генералов, награжденных Золотым оружием, к кавалерам русских орденов. Кроме того, указ по существу узаконил сложившееся фактически к тому времени положение, при котором Золотое оружие ценилось выше некоторых орденов. Фамилии лиц, получивших Золотое оружие, вносились в общий кавалерский список Орденского капитула Российской империи.

Из упомянутых в книге исторических лиц генерал М.С. Воронцов дважды награждался золотыми шпагами с бриллиантами: в 1811 и в 1828 годах, за отличие в войнах с Турцией. Кроме того, Воронцов был кавалером 2, 3 и 4-й степеней ордена Св. Георгия.

Наградным оружием являлся и орден Св. Анны 3-й степени. Этот орден носили на шпаге или сабле в виде знака — небольшого кружка, увенчанного императорской короной, в котором в красном эмалевом кольце помещался красный эмалевый крестик (2). С момента учреждения (1797 г.) знак ордена Св. Анны располагался на наружной шпажной чашке. В 1807 году утверждается Золотое Анненское оружие «За храбрость», а награжденные им причисляются к кавалерам российских орденов. До 1815 года орден Св. Анны имел три степени; Александр I ввел 4-ю степень, и оружие стало 4-й степенью ордена. Из участников Наваринского сражения этой наградой удостоились члены экипажа «Азова» — мичманы К. Истомин и В. Корнилов.

К наградному оружию относился также кортик. Как личное холодное оружие офицеров русского флота кортик появился в эпоху Петра I, который сам любил ходить при кортике на перевязи. Форма и размеры

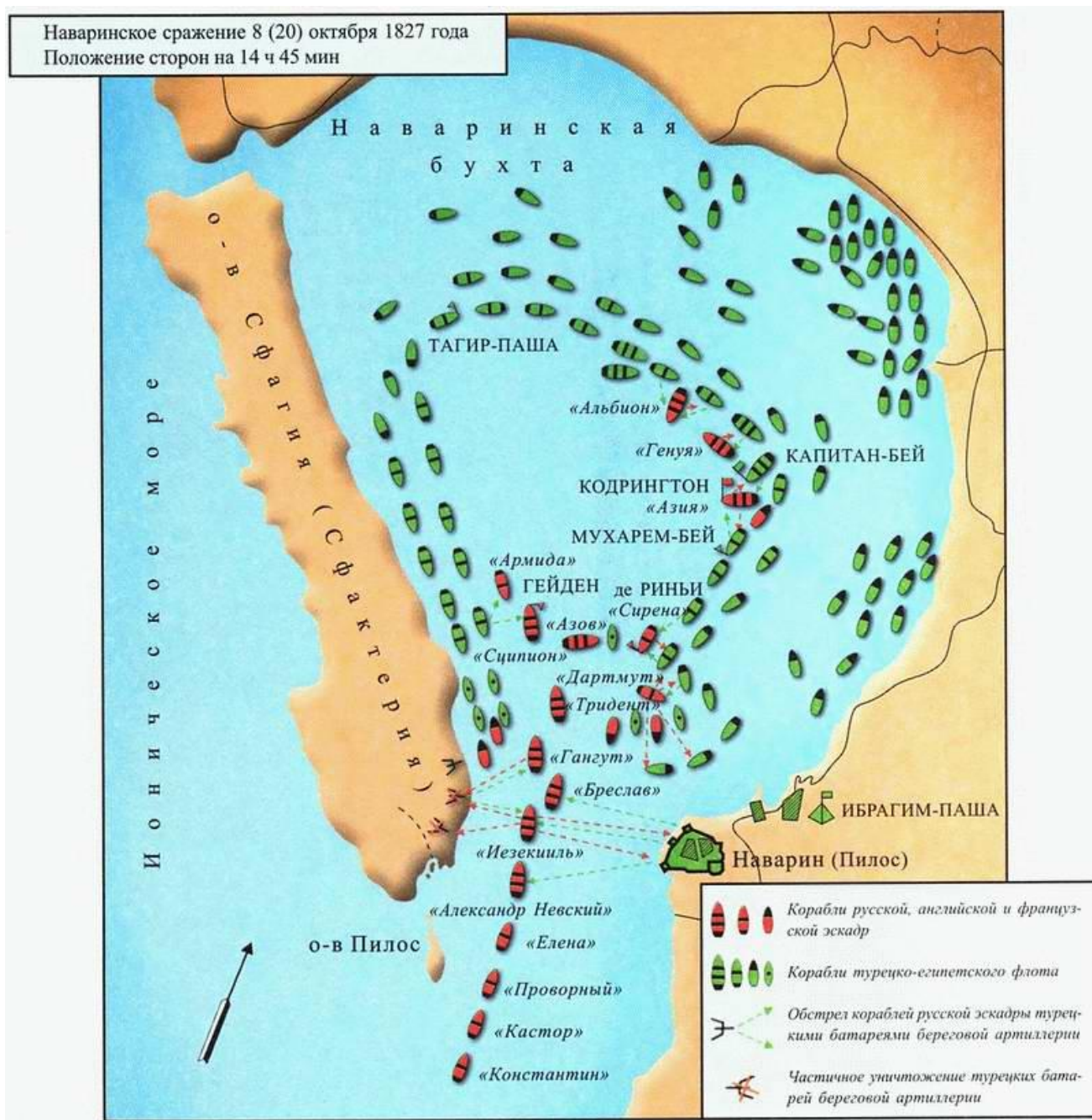
морского кортика неоднократно менялись. С 1803 года он стал неременной принадлежностью только флотской офицерской формы. Тогда клинок кортика имел квадратное сечение и рукоять из слоновой кости с металлической крестовиной. Конец 30-сантиметрового клинка был обоюдоострым. Полная длина кортика составляла 39 см. На деревянные ножны, обтянутые черной кожей, в верхней части были насажены две бронзовые позолоченные обоймицы с кольцами для крепления к портупее, а в нижней части ножен — наконечник. Знак ордена Св. Анны 4-й степени помещался на верхушке рукояти (3). С 1829 года на эфесе Анненского оружия появилась надпись «За храбрость». Однако морские кортики — Золотое оружие «За храбрость» — вероятно, появились раньше, вместе с наградными шпагами (4).

Пелопоннес и Наварин

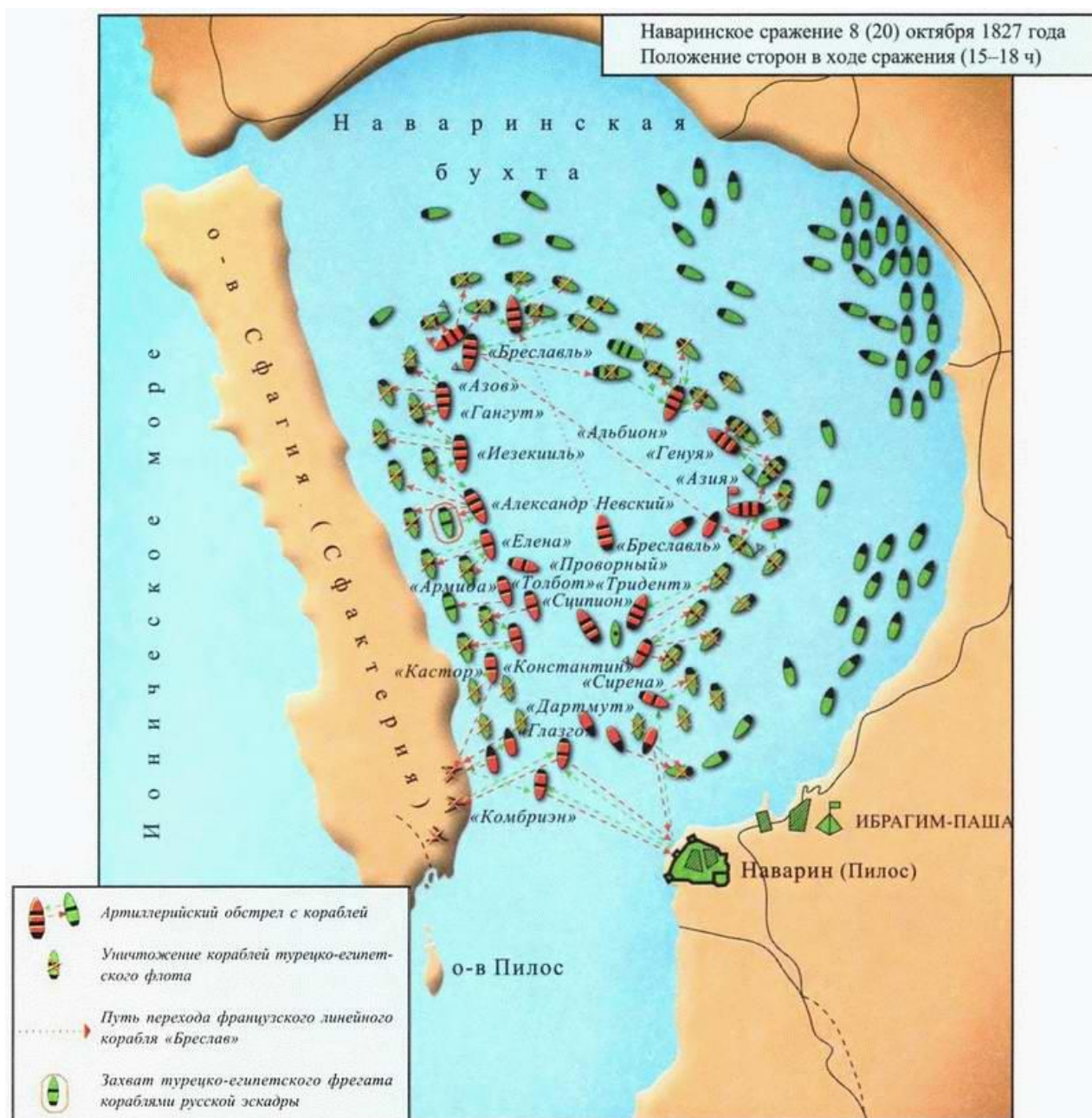
Город-крепость Наварин находится на юго-западном берегу полуострова Пелопоннес (Морей). По преданию, полуостров получил свое название по имени родоначальника одного из правящих кланов, Атридов, — Пелопса. Это название впервые встречается в греческих источниках VII века до н.э. В конце IX века Византия захватит Пелопоннес, заселенный тогда славянами, который затем получил название Морей. В XIII веке хозяевами полуострова стали франки, но вскоре их снова вытеснили византийцы. С 1460 года до конца XVII века Морей находилась под властью турок, у которых ее отобрали венецианцы. Но в 1718 году Турция вновь захватила Морей и владела ею более ста лет, в течение которых греки вели тяжелую борьбу с завоевателями. В 1821 году в Морее вспыхнуло восстание. Через четыре года Ибрагим-паша взял Наварин и прошелся смерчем по полуострову, уничтожая все на своем пути.

В первой четверти XIX века в Наварине была лучшая в Греции гавань, находившаяся в Наваринской бухте. Она имела достаточную даже для больших морских судов глубину и очень узкий вход, удобный для защиты от нападения со стороны моря. Крепостные сооружения к концу XIX века утратили свое оборонительное значение. В городке проживали 2 — 3 тысячи жителей. К северу от

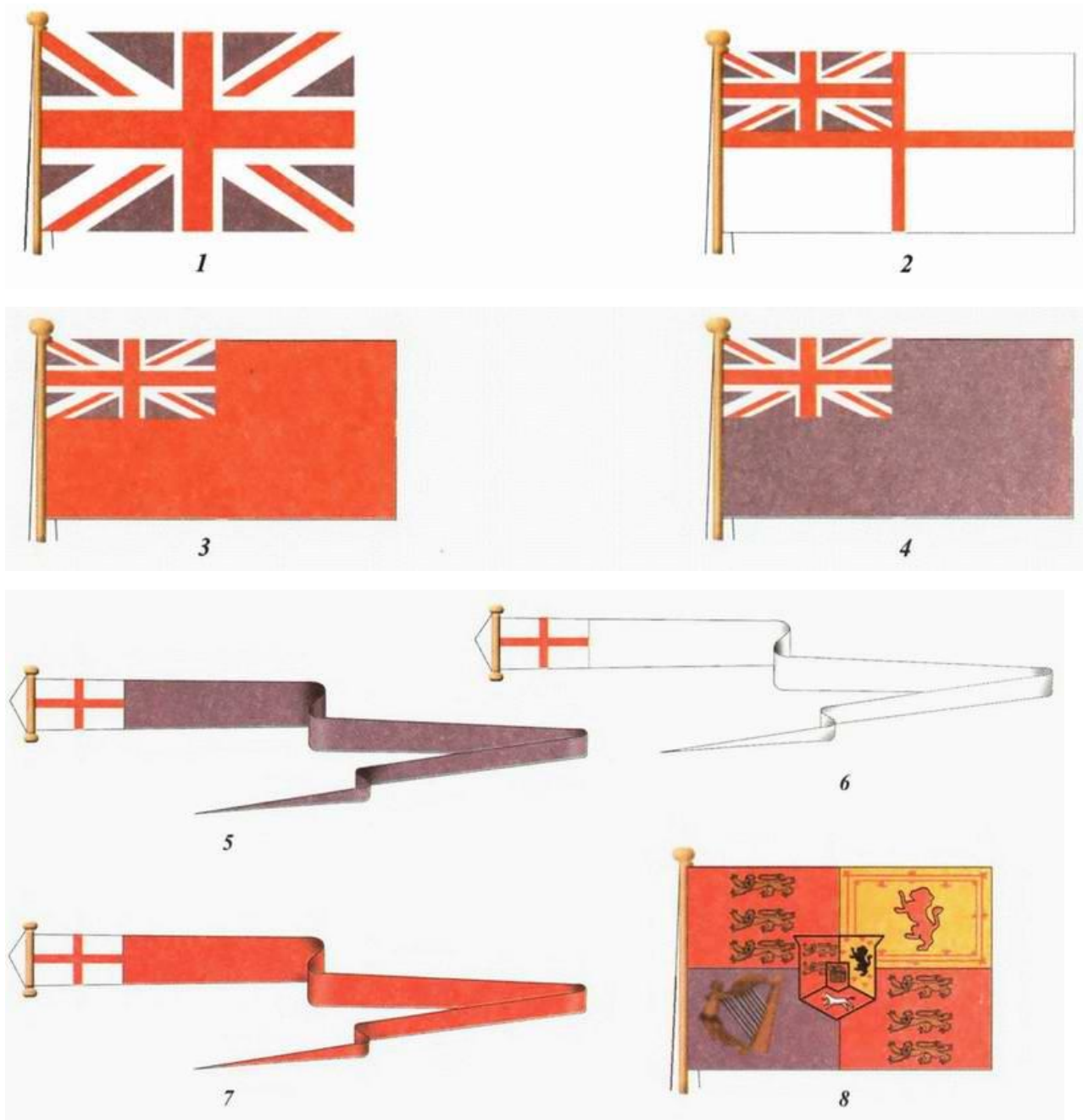
Наварина лежит старый Наварин, а перед входом в гавань — остров Сфактерия (Сфагия), ставший знаменитым во время Пелопоннесской войны. Тот Наварин, который существовал в 1827 году, был основан в XIII веке франками на месте древнегреческого города Пилоса. Франки, выходцы из Наварры, называли новую крепость Наваринским замком, а греки — Наварином.

Северный выход в море со временем обмелел, и Наварин потерял былое значение. В 1672 году турки возвели цитадель на южном берегу пролива, рядом с которой вырос городок, называвшийся поначалу Новым Наварином, или Неокастро (Новой крепостью), а позже, после окончательного разрушения старого Наварина, — просто Наварином. В период греческой войны за независимость Наварин не раз был местом ожесточенных сражений. В историю же он вошел в первую очередь благодаря происшедшей 8 октября 1827 года в бухте битвы объединенного англо-франко-русского флота с турецко-египетским. Победа первого стала одним из катализаторов борьбы греков за свободу.

Корабельные флаги и вымпелы английского флота

Подобное деление на «цветные» дивизии имелось и в дружественном нам в то время английском флоте. Его дивизии также назывались белой, красной и синей. Нос каждого корабля украшал гюйс (1), кормовые флаги цвета, соответствующего дивизиям (2, 3, 4). Вымпелы (5, 6, 7) несли все суда, за исключением адмиральских. Кроме того, на грот-мачтах адмиральских (флагманских) кораблей каждой из трех

эскадр поднимали однотонный флаг соответствующего цвета, а на флагманском корабле всей эскадры — Королевский штандарт (8).